ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

24

МЮНХЕН 1982

ОГЛАВЛЕНИЕ

Христос воскресе! 1
В. Пирожкова. Дела польские 2
Н.А.Нефедов. Арденны 6
А. Федосеев. Уроки Запада для новой России 9
В. Кобылин. Государство 14
Д. Штурман. Законопослушный бунт 17
Джон Рейли, Юрий Фельштинский. СССР – США. Торговля и политика 30
Г. Канович. Демографическая ситуация в СССР и ее влияние на политику руководства 36
Протоиерей Д. Константинов. Любостяжание 39
Владимир Рудинский. Обзор зарубежной печати 41
Рецензия В. Пирожковой. П. Пагануцци. "Правда об убийстве Царской Семьи" 45
Письма в редакцию 46

ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ

№ 24 Март 1982 МЮНХЕН

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Почти две тысячи лет повторяют христиане на всем земном шаре ежегодно эти радостные слова. Но все ли задумываются над ними? Не повторяются ли они слишком многими в ходе традиционно прекрасного и светлого праздника? Если спросишь того или другого христианина, ту или другую христианку, – мы имеем в виду тех, кто не отказывается от христианской веры и хотя бы время от времени ходит в церковь, – то нередко сталкиваешься с полным смешением понятий, с непониманием или незнанием самых простых христианских истин. Каждый разумный человек знает, что он должен долго, возможно, всю жизнь заниматься тем предметом, той специальностью, которой он хочет овладеть и с помощью которой он в большинстве случаев устраивает свою земную жизнь, зарабатывает деньги для себя и семьи. Но если считается очень важным устроить благополучно свою земную жизнь, то слишком многие, даже верующие люди, не считают особенно нужным заниматься своею же собственной верой, хотя бы ради устроения неизмеримо более важной, вечной своей жизни.

Мы не говорим о неверующих. Если человек твердо решил, что ничего после этой земной жизни нет, если ему почему-либо хочется в это верить, то он не будет заниматься углублением в веру, которая утверждает совсем иное, утверждает, что есть вечная жизнь. Чем сильнее ему не хочется верить – сознательно или подсознательно – в возможность вечной жизни, тем упорнее будет он настаивать на нежелании даже ознакомиться с религией, утверждающей вечную жизнь. Мы говорим лишь о тех, кто сам считает, что верит. Но если верит, если человек уверен, что эта наша земная жизнь – лишь короткое мгновение по сравнению с жизнью вечной, почему же он так мало посвящает времени, внимания, сил подготовке к этой вечной жизни, углублению в то, что гарантирует ему эту вечную жизнь? И почему так много времени и забот отдает суете этой нашей временной, столь коротенькой жизни?

Иисус Христос – истинный Бог, но и истинный человек, равный нам во всем, кроме греха, воскрес из мертвых плотью. Конечно, это иная, преображенная плоть, но плоть. Неверовавший Фома мог вложить свои пальцы в раны, Воскресший пил и ел, тогда как дух пищи не принимает.

В Его воскресении залог и воскресения нашего к вечной жизни. В этом преодолении зла в самих его корнях заключается великий смысл воскресения.

Какой смысл имело бы стремление человека к лучшему, к справедливости, к любви, стремление совершенствовать себя самого, если б все обрывалось со смертью? "Надо исправлять людей", – проповедывал Лев Толстой. "Да, а потом смерть пожрет всех – исправителей и исправленных, равно как и неисправленных," – отвечал ему Владимир Соловьев. Нет, все стремления к лучшему имеют смысл только тогда, если знакомая вам физическая смерть – не конец. Если она не только не конец, а, наоборот, начало, начало истинной, вечной жизни.

Столетиями, тысячелетиями верили люди в земной прогресс, в то, что стремление к лучшему, к более совершенному, суммируется и отразится в лучшем, более того, в совершенном устройстве на земле когда-нибудь, хотя бы через много поколений. Но можно ли в наше время в это верить? За нашими плечами все же лежит уже опыт нескольких тысячелетий, и мы видим, что сумма добра и ей противостоящая сумма зла в общем остаются такими же. Кто будет утверждать, что в наше время общая сумма добра значительно увеличилась по сравнению с прежними временами? Или что зло уменьшилось? Достаточно только посмотреть на тоталитарные диктатуры нашего времени и посчитать их неисчислимые жертвы. Зло меняет свой облик, но не делается ни привлекательнее, ни меньше по количеству своему. Что же дает нам основание думать, что через следующую тысячу лет все коренным образом изменится? Что изменится сама природа человека на этой земле и наступит царство добра и справедливости? Нет у нас на это никаких

оснований. К. Леонтьев писал, что вера в земной рай – самая невероятная и самая необоснованная из всех вер и религий. А.Н. Бердяев даже отказывал этой вере в нравственном основании. Он говорил, что эта вера – не что иное как вампиризм, т.к. основывает счастье каких-то будущих неизвестных нам поколений на крови и слезах всех предыдущих поколений. Даже атеист Герцен, всю свою жизнь не умевший сочетать своей веры в земной рай будущего с сознанием ее безнравственности и кончивший поэтому в духовном тупике, спрашивал: "Обрекаете вы нынешние поколения на то, чтобы держать террасу, на которой другие будут танцевать?"

Земная история может рассмотреть и оставить в памяти быстротекущего времени разве что вехи развития человечества, только вершины "айсбергов", только массовые явления. Сколько скрывается в незримой глубине истории неизвестного героизма и не вышедшей наружу подлости, сколько незримых слез и незамеченной радости, сколько благородства и жертвенности, сколько злобы, зависти и ненависти. Все это, как кажется, навсегда и бесследно утопает в темных глубинах прошлого.

Но на самом деле, ничто не исчезает, ничто не пропадает, ни одна слеза и ни одна улыбка. Все сохраняется в вечности. Ибо нет перед лицом Господа ничего прошедшего, ничего забытого, ничего стертого во всей сумме бытия.

Все это восстанет, воскреснет, когда придет этому время. Телесное воскресение Иисуса Христа – залог этого будущего всеобщего воскресения, когда уже ничего больше не будет скрыто, когда все станет проницаемым и ясным для каждого.

Пока же мы еще живем в земной закрытости и неясности, будем обращать наш взор к этому великому событию, освещающему нам смысл нашей жизни как лучом, – воскресению Иисуса Христа.

Мы еще раз обращаемся ко всем нашим читателям с радостным возгласом: Христос Воскресе!

В. ПИРОЖКОВА

ДЕЛА ПОЛЬСКИЕ

Фактическое положение в Польше может измениться в ту или другую сторону до тех пор, пока эта статья дойдет до читателя. Но те принципиальные вопросы, которые мы хотим обсудить, не изменятся не только за несколько недель, но, мы боимся, и за несколько лет.

Вся западная пресса почти полтора года твердила о том, что предстоит вторжение советских войск в Польшу. Но вторжения советских войск в Польшу не произошло, как этого и следовало ожидать. И Запад растерялся. Голоса разделились, правительства западных государств не могли дать одинаковой оценки событий. Западногерманское правительство и канцлер Шмидт заявили сначала, что Москва совсем не виновата в том, что в Польше 13 декабря 1981 г. было объявлено военное положение. Германское правительство склонялось к тому, чтобы рассматривать поступок Ярузельского как акт патриотизма, последнюю попытку чисто польского решения. Если б Ярузельский не объявил военное положение, то, мол, вошли бы советские войска. Президент Рэйген, наоборот, объявил Ярузельского марионеткой Москвы и обвинил Москву во вмешательстве в польские дела. Именно на этой оценке положения он основывал свои санкции. Из этого же исходили устроители телепередачи под названием "Оставьте Польшу быть Польшей". И никто не спросил: какой Польшей? Если коммунистической, то Советский Союз охотно присоединится к этому лозунгу.

"Поляк не стреляет в поляка", – сказал архиепископ Глемп. Но мы очень хорошо знаем, что поляки-коммунисты стреляли в поляков, что они запирали и запирают их в тюрьмы и концлагеря, конечно, некоммунистических и, особенно, антикоммунистических поляков. Неужели заключенным легче от мысли, что их тюремщики одной национальности с ними?

Отчего же западные политики так растерялись? И какая из вышеуказанных оценок более правильна? Ответим сначала на последнюю половину вопроса: обе оценки правильны и обе неправильны. То, что произошло – это не национальный акт, а идеологический. Конечно, Ярузельский действовал в согласии с Москвой. Он не имел полной автономии и независимости в действии. Но он не был ни безвольной марионеткой Москвы, ни героическим националистом, спасающим свою страну от иностранного вторжения с помощью своей национальной диктатуры. Ярузельский и его сподвижники действовали не как польские патриоты, а Брежнев и его сподвижники действовали не как русские империалисты. И те, и другие – *коммунисты*. Этим сказано все. Польские коммунисты совсем не были намерены отдавать свою власть. Нелепо думать, что без давления со стороны Москвы они тихо и смирно отошли бы от власти и передали бы ее демократическим силам. Мне уже приходилось пи-

сать, и я повторяю это теперь: польские коммунисты одни, без Москвы за своей спиной, могли оказаться слишком слабыми, тот или другой из них мог бы поспешить перебежать на сторону возможных победителей, как это сделал Имре Нодь в Венгрии в 1956 г., но все же польские коммунисты действовали как коммунисты, а не как польские патриоты, или если как патриоты, то как совпатриоты.

А смешались и запутались западные политики потому, что они все еще никак не могут понять, что они имеют дело не с национальными государствами, которые, худо ли хорошо, но заботятся о своих народах. Они имеют дело с *идеологическими диктатурами*, которым наплевать и на свой народ, и на другие народы. Национальность коммунистических диктаторов не играет большой роли. И ссорятся они между собой только до известного пункта: до тех пор, пока не стоит под угрозой коммунизм. Несмотря на свою ссору с Москвой, Тито был в 1956 г. за подавление венгерской революции.

После того как коммунизм распространился на многие народы и континенты, было неизбежно превращение его в плюралистический коммунизм. Но плюралистический коммунизм не означает плюралистического общества.

В своей статье "Ответ моим критикам" ("Новый Свет" № 5) М. Михайлов пишет: "Пример Польши именно показывает, что существует возможность бескровного перехода от однопартийного к плюралистическому обществу". Больно читать такие фразы, написанные человеком, который должен был бы знать коммунизм, но, видимо, его все еще не знает. Откуда же взялась непревзойденная наивность этого утверждения? Мы считаем, что М. Михайлов пал жертвой своего непременного желания ставить все диктатуры на одну доску и не отличать особой природы именно *коммунистической* диктатуры. Однопартийная диктатура в Испании перешла бескровно в плюралистическое общество, хотя и после смерти первого диктатора и основателя этой диктатуры, но в результате мер, предпринятых этим самым диктатором еще при жизни. Какие бы другие однопартийные общества ни переходили бескровно в плюралистические, среди них нет и вряд ли будет коммунистическое однопартийное общество.

Мне приходилось уже не раз писать, что коммунисты не только могут, но даже и стремятся предоставить некоторые очень слабые возможности гражданам чуть-чуть дышать и двигаться. Сталинский тип диктатуры коммунистам на теперешнем этапе их развития был бы невыгоден. Но двух вещей они допустить не могут: свободной прессы и других партий, если эти партии не полная фикция, как например, "христианско-демократическая" и "либеральная" партии в Восточной Германии.

Наблюдая внимательно развитие в Чехословакии в 1968 г., я поняла, что советские войска должны войти в страну, когда увидела, что в Чехословакии развивается действительно свободная пресса, и когда появились первые зачатки социал-демократической партии. Войти они должны были сами, т.к. в Чехословакии коммунистическое руководство разваливалось, Дубчек был слишком слаб, а советских войск в Чехословакии тогда не стояло совсем.

В Польше же коммунистическое руководство, включая партийных генералов, еще интактно, в стране стоят на всякий случай две дивизии советских войск, и, кроме того, Польша окружена верными сателлитами. Поэтому для ее полной оккупации оказалось достаточной ее собственная армия.

Мне могут возразить, что вот была же в Чехословакии в 1968 г. возможность перехода коммунистической диктатуры бескровно в плюралистическое общество, если б не вмешался Советский Союз. Да, но он вмешался. В этом тоже заключается специфика именно *коммунистической* диктатуры, *мирового* коммунизма. Но, может быть, это не мировой коммунизм, а русский империализм? Мы ответим на это ясным: нет. Коммунистическую Югославию Советский Союз не тронул и, как показал тот же М. Михайлов в своих статьях о Сталине и Тито (Новое Русское Слово, июнь 1981 г.), несмотря на все ссоры, связь между этими двумя коммунистическими государствами была более тесной, чем в это хотели верить западные державы, и ею остается. А великая ссора с коммунистическим Китаем – это такая гениальная стратегия, что ей только можно позавидовать. Но это большая тема. Мы о ней однажды уже писали (см. № 8 "Г.З.") и будем еще писать.

Не менее удивительным является другое заявление М. Михайлова в той же статье: "в России и Европе в коммунистическую идею больше никто не верит..." А куда же М. Михайлов девал очень большие коммунистические партии Франции, Италии, Испании и ряда других стран? Или коммунисты не верят в свою собственную идею – тогда почему же они остаются коммунистами? – или Франция, Италия, Испания, Греция и пр. в глазах М. Михайлова – не Европа? Даже если предположить, что разрыв итальянской компартии с советским руководством теперь "всерьез и надолго" (в чем мы весьма сомневаемся), то они тем не менее остаются коммунистами, верят в коммунистическую идею, только говорят, что в теперешнем Советском Союзе она искажена. М. Михайлов так же говорит, что коммунизм в Европе держится голой силой. Но какая же внешняя сила заставляет всех западноевропейских коммунистов верить в коммунистическую идею? Так же и членов неизменно верной

Советскому Союзу французской компартии! В западной Германии компартия численно небольшая, – хотя ее влияние, например, в профсоюзах значительно превышает влияние, которое бы ей полагалось согласно числу ее членов, – на выборах компартия получает 1–2% голосов, но среди немецкой интеллигенции немало верующих марксистов. Мне приходится сталкиваться с ними в Мюнхенском университете ежедневно. Самые радикальные из них пытаются срывать лекции, и не только мне, менее террористически настроенные полны все же марксистких убеждений. Больше того, большинство из этих марксистов невозможно убедить, что в Советском Союзе гражданам живется отчаянно плохо во всех отношениях. Они верят не только просто в марксизм, но большей частью и в советский коммунизм. И число их не убывает, а, наоборот, растет. После первого напора в конце 60-х гг. был дан приказ, гласящий, что теперь не так важны уличные бои, как "долгий поход через институции и учреждения", и этот поход имеет место. Сколько постов занято уже тайными марксистами и коммунистами, которые только ждут часа, чтобы проявить себя, мы не знаем, но они есть. Когда каждый день имеешь дело с более или менее агрессивными, верящими в коммунистическую идею марксистами, спрашиваешь себя, как может человек, живущий в США, с таким легкомыслием искажать нашу ситуацию, смахивать со счетов нашу трудную ежедневную борьбу? Хоть бы он спросил сначала знающих людей... Но если о нашей ежедневной борьбе медии информации не сообщают, то ведь все же сообщают о компартиях латинских стран, одна из которых даже входит в правительственную коалицию! Неужели и об этом М. Михайлов нигде не читал и не слыхал? В этом вопросе скорее можно согласиться с А. Солженицыным, на которого М. Михайлов так нападает: " "Идеология умерла"? Прежде чем она умрет – она еще успеет развалить и завоевать весь Запад". (Главный урок, "Русская Мысль", 21 января 1982 г.). Чтобы кончить с этой темой, отметим еще, что М. Михайлов в статье "Возвращение Великого Инквизитора" ("Континент", № 28) писал, что в коммунизм верят только голодные массы Латинской Америки. Думается, однако, что эти голодные массы знают о коммунизме и марксизме столько же, сколько легендарный Чапаев знал о коммунистах и большевиках, о втором и третьем интернационале, иными словами – ровно ничего, только, может быть, да и то не всегда, само слово и несколько сказочек. Верят в марксизм и коммунизм некоторые *интеллектуалы*. Так было с самого начала, со времени интеллектуалов-основателей марксизма, так было в России до 1917 г., так сейчас и в Западной Европе. Неужели М. Михайлов этого не знает? Раймон Арон написал даже целую книгу "Опиум для интеллектуалов", подразумевая под опиумом марксизм. Неужели М. Михайлов даже не слышал об этом? "Коммунистическая идеология – это такая неестественная метафизическая сила, которая действует как бы вопреки законам физики, экономии и социологии. Вместо того, чтобы неизбежно лопнуть – она побеждает." (А. Солженицын, "Главный урок"). М. Михайлов, видимо, не замечает метафизичности этой силы. Если б он ее заметил, он не ставил бы коммунизм постоянно в один ряд с другими диктатурами и авторитарными режимами, которые как бы они ни были неприятны для населения данной страны и в данный период, не имеют и доли той мировой опасности, которая заложена в коммунизме.

Мы упомянули о плюралистическом коммунизме. Это означает, что для современного мирового коммунизма выгодно предстоять перед миром не в совершенно единой внешней форме. Полная монолитность начала бы постепенно отталкивать даже сторонников. В недифференцированном единстве нет жизни, в нем стагнация, окостенение. Это знает и марксистская идеология, в которой закон единства и борьбы противоречий является главным и основным законом. Внутренние противоречия, хотя и не антагонистические, должны быть и внутри социализма, даже внутри победившего коммунизма. Нет сомнения также и в том, что коммунизм с несколько разными образами привлекательнее коммунизма монолитного как гранитный блок. Создается иллюзия разных возможностей, иллюзия полнокровной жизни, хотя на самом деле за всеми этими разными "коммунизмами" стоит в самой своей сущности враждебная живой жизни идеология, все та же "колдовская сила мертвой буквы" (Б. Пастернак). Если непоколебимость коммунистической диктатуры в данной стране обеспечена, коммунистический центр, которым пока все еще остается Москва, охотно допускает известную независимость, продвижение "собственным путем". Это тем более не противоречит интересам мирового коммунизма, что "капиталистический" Запад спешит снабдить такого коммунистического "диссидента" деньгами и поставками в натуре, которых СССР ему дать не может. Западным политикам кажется, что коммунизм разваливается, распадается на, правда, все еще коммунистические, но самостоятельные и даже враждебные друг другу государства. На самом же деле идет почкование от живого древа коммунизма. Или, может быть, следует употребить менее поэтический образ: спрут протягивает свои щупальца, и у него вырастают новые. Они уже захватили многие страны на всех континентах, кроме австралийского. И нам еще

пробуют внушить, что коммунизм больше не опасен!

Однако вернемся к стратегии коммунизма. И не для профессионала должно быть ясно, что игра многими мячами, хотя сложнее, но может привести к лучшим результатам, чем игра одним единственным мячом. "Плюрализм" коммунизма – это всего лишь несколько иная окраска и форма все тех же коммунистических "мячей", это разные ходы все для той же одной цели: мирового коммунизма и его господства над всем миром.

Однако коммунисты охотно создали бы "неантагонистическое противоречие" и внутри страны. В Польше они долго ничего не предпринимали, конечно, по разным причинам, но одной из причин было желание посмотреть, можно ли удержать небольшую, чисто профсоюзную, неполитическую оппозицию в одном и том состоянии, предотвращая расширение минимальной свободы профсоюза "Солидарность". Если б это оказалось возможным, то это могло бы послужить приманкой для немцев. Многие наблюдатели уже отмечали, что в Западной Германии усиливается тяга к нейтрализации. Пока в Польше коммунисты терпели Солидарность, в Германии начали раздаваться голоса, что, мол, Советский Союз теперь уже настолько слаб, что не может подавить свободолюбивого движения в Польше. Все так думавшие исходили из ложного догмата, гласящего, что Москве *всегда* выгодно подавлять каждое, даже неполитическое движение. Москва подогревала эти настроения своей пропагандой, выражением неудовольствия, тем, что время от времени пускались слухи, что вторжение советских войск – дело нескольких дней, если не часов, хотя на самом деле опасности вторжения вообще не было.

Польша представлялась подходящим объектом для допущения эксперимента, т.к. она окружена верными сателлитами. Мы подчеркиваем, что свободолюбивое движение в Польше, конечно, началось искренне и из любви к свободе. Все члены и руководители Солидарности рисковали собой и всегда это знали, т.к. в любой момент коммунисты могли придти к выводу, что свободолюбивое движение зашло слишком далеко и его надо подавить. Но коммунисты пока наблюдали и ждали. Смотрели, можно ли стремление человека к свободе заморозить на очень низком уровне. Это оказалось невозможным. В тот момент, когда из рядов Солидарности раздались *политические* требования, пришел момент подавить это движение, что оказалось возможным сделать собственными силами. Главное обвинение по адресу Солидарности со стороны коммунистов это то, что Солидарность хотела стать политической партией. Другую же политическую партию, кроме коммунистической, они допустить не могли. Мы повторяем еще раз: по-настоящему свободная пресса и действительно независимые иные, не коммунистические, партии для коммунистов неприемлемы. Как только движение, стремящееся к большей свободе, дойдет до этого пункта, оно сейчас же пресекается. Это можно проследить на всех подобных примерах.

Ярузельский обещает, что Солидарность получит возможность и дальше действовать. Он, как мы думаем, не только лжет из тактических целей. Коммунистам хотелось бы восстановить Солидарность в начальном состоянии, в виде профсоюза с минимальной свободой движения, с тем, чтобы Солидарность безоговорочно признала политическое руководство коммунистов. То, что они долго держали Валензу под домашним арестом, показывает, что они хотели принудить именно его возглавить Солидарность, из которой был бы изгнан живой дух. До сих пор Валенза не дал своего согласия (мы пишем это в начале февраля 1982 г.). Думается, что вообще не удастся создать более или менее фиктивную Солидарность. Придется коммунистам примириться с тем, что они и на внешний вид останутся тем, чем они являются по существу: жестокими угнетателями.

Коммунистам не удалось сохранить допущение минимальной свободы на самом низком уровне, в качестве приманки для других. Но польский кризис вскрыл нечто иное: 1) Хозяйственные связи Западной Европы с Советским Союзом уже так сильны, что западно-европейские страны, вернее, их правительства, не могут решиться на какие-либо санкции в отношении Советского Союза. Больше того, французское правительство, которое, несмотря на свой социалистическо-коммунистический состав, на словах было гораздо решительнее Бонна, заключило уже после 13 декабря договор о продаже труб в Советский Союз. 2) Все эти "движения мира" создали в Западной Европе уже достаточный психоз страха перед якобы возможной войной. Если эффект "приманки" не состоялся, то неожиданно выяснилась возможность действовать страхом. Т.е. неожиданным для многих оказалось, насколько уже силен этот страх, насколько многие в Западной Европе, хотя и готовы пожертвовать деньги на продовольственные пакеты в Польшу, но в остальном хотят только одного: чтобы в Польше было все тихо, а то как бы не был нарушен их собственный "драгоценный" покой.

Трещина или, вернее, трещины в рядах западных союзников оказались шире и опаснее, чем это было видно до польского кризиса. Они теперь кое-как склеены, но этого недостаточно. С другой стороны, коммунисты

могут жестоко промахнуться, если они предположат, что воля к сопротивлению в демократических странах уже иссякла. При непосредственной опасности она может вспыхнуть с неожиданной силой.

Вот пока те аспекты польского кризиса, которые мы хотели отметить. Будущее покажет, как развитие пойдет дальше.

Н.А. НЕФЕДОВ

АРДЕННЫ

37 лет тому назад, в начале февраля 1945 г., закончилось грандиозное сражение, вошедшее в историю Второй мировой войны как Арденнское наступление. Сражение продолжалось два месяца и, несмотря на победу англо-американских войск над германской армией, как ни парадоксально, плодами этой победы воспользовались не США и Великобритания, а Советский Союз.

В декабре 1944 г. по всему Западному фронту наступило затишье, и американские и британские солдаты уже начали готовиться к встрече Рождества, надеясь провести праздник в спокойной обстановке, без боев и походов. Однако наступившая тишина была тишиной перед бурей. 16 декабря в южной части Бельгии, в лесистых Арденнах, находившиеся на своих позициях американцы проснулись перед самым рассветом от слившейся в сплошной гул артиллерийской канонады и разрывов тысяч снарядов и авиационных бомб, которыми немцы неожиданно накрыли выдвинутые вперед американские позиции. Вскоре артиллерийскую канонаду сменил рокот и скрежет продвигавшихся широким фронтом свыше пятисот танков и бронированных машин.

Одолев без больших усилий сопротивление 8-го американского корпуса в районе Монжуа и Эхтернаха, бронетанковые соединения германской 6-й армии СС устремились вперед в северо-западном направлении, к берегам реки Мааса. Южнее наступала 5-я танковая армия, а 7-я полевая армия пошла в наступление в гористой местности Эйфель, к реке Сюр. Это генеральное наступление германских войск поддерживало 600 самолетов, а немного позднее к ним присоединились еще 300 тяжелых бомбардировщиков, переброшенных с Восточного фронта.

Под ударом такого бронированного кулака американцы не только были вынуждены поспешно отступить, но неожиданное наступление трех неприятельских армий смешало все карты англо-американского командования, так как главнокомандующий всеми союзными войсками, генерал Эйзенхауэр, сам готовился к новому наступлению, теперь уже – на территорию Германии. Одолев считавшийся немцами неприступным Атлантический вал, взяв Париж и Брюссель и выбив в сравнительно короткое время немцев из Франции и Бельгии, ген. Эйзенхауэр и британский фельдмаршал Монтгомери остановили наступление своих армий, чтобы, стабилизировав фронт, дать солдатам отдых, подтянуть резервы и произвести перегруппировку своих частей для дальнейшего наступления.

К середине декабря союзники сосредоточили на фронте, простиравшемся от устья реки Маас до швейцарской границы, 40 американских, 16 английских и канадских, 8 французских дивизий, а также польские, бельгийские, голландские и другие части. Самым слабым участком фронта были Арденны, которые американское командование считало трудно проходимыми из-за лесистой и холмистой местности, и потому его защищал один 8-й корпус 1-й американской армии. Об этом слабом месте германская разведка скоро пронюхала, поэтому-то германское командование и решило нанести сокрушительный удар своему западному врагу в этом уязвимом месте – в Арденнах.

Ничего не подозревая о готовящемся германском контрнаступлении, ген. Эйзенхауэр на военном совещании 7 декабря в голландском городе Маастрихе предложил британскому главнокомандующему, фельдмаршалу Монтгомери, сконцентрировать британские войска в бассейне южного течения р. Маас и, прорвав танковыми дивизиями линию Зигфрида (в районе Аахена она уже была прорвана), с налета захватить Франкфурт; а ген. Брэдли поручалось перейти в наступление севернее Аахена и захватить Кельн, Бонн и Дюссельдорф. Однако, фельдмаршал Монтгомери, недолюбливавший ген. Эйзенхауэра и считавший себя в военных делах более компетентным, чем американские генералы, заупрямился, заявив, что британское командование разработало другой стратегический план – начать наступление севернее Арденн и захватить Эссен и Дортмунт, что отрезало бы германскую группу войск в северной Голландии. А пока в штабе союзников велись дискуссии, германское командование лихорадочно стягивало свои армии к германо-бельгийской границе.

Неожиданное германское наступление тремя армиями одновременно на коротком участке фронта явилось полным сюрпризом для ан-

гло-американцев главным образом потому, что многие брошенные на штурм американских позиций СС-овские бронетанковые дивизии и другие соединения на Западном фронте не значились и, как выяснилось позднее, были переброшены в таком спешном порядке с Восточного фронта под покровом ночной темноты, что союзная контрразведка не успела об этом узнать.

Таким образом, после переброски войск с советского фронта, к началу Арденнского наступления, у германского командования на Западном фронте находились 71 дивизия и 4 бригады (в Италии немцы имели 22 дивизии и около десятка дивизий в Норвегии, Дании и Югославии). Приблизительно такое же количество дивизий на Западном фронте было и у союзников, но американские дивизии имели более многочисленный состав, у них было больше танков и большое преимущество в авиации; а, кроме того, в глубоком тылу еще и нетронутые резервы.

Для чего понадобилось Гитлеру снять свои самые боеспособные бронетанковые дивизии, сражавшиеся против советских войск, и вместе с последними резервами бросить их против своих западных врагов, не считаясь с тем, что ослабление Восточного фронта грозит занятием Восточной Германии врагом №1 – красной армией?

Арденнское наступление было сюрпризом не только для союзного командования, но и для многих немецких генералов, так как, независимо от их отношения к Гитлеру, они, как впрочем и немецкое население, видели главную опасность для Германии не в англо-американском продвижении вперед, а в советском. Они знали, что творили национал-социалистические власти в России, и что за попытку превратить Россию в германскую колонию, а русских – в своих рабов наступит расплата.* Поэтому большая часть немецкого населения, уже не сомневавшаяся, что война проиграна, предпочитала из двух зол меньшее – оккупацию Германии американцами и англичанами, а некоторые даже их ожидали – лишь бы закончилась война без захвата германской территории советчиками.

Нужно также отметить, что к этому времени геббельсовской пропагандной машиной был пущен слух, что, мол, скоро с Англией и США будет заключен сепаратный мир, но пока это должно держаться в тайне. Мало того, с ними будет заключен и военный союз против СССР, ибо не могут же Рузвельт и Черчилль допустить в самый центр Европы коммунистов. Такие разговоры велись открыто, и гестапо за них не преследовало. И вдруг, вместо того чтобы послать резервы на Восточный фронт и отбить советские войска подальше от германской границы, Гитлер не только резервы, но и самые боеспособные бронетанковые дивизии и даже парашютные части снимает с советского фронта и посылает их против американцев и англичан. Обнажение Восточного фронта в штабах Вермахта рассматривалось не иначе как очередное безумие Гитлера.

Однако наступление в Арденнах совсем не было таким безумным, оно было тщательно продуманной Гитлером и его окружением стратагемой. Терпя на всех фронтах одно поражение за другим, Гитлер понял, что только выход из войны США и Великобритании может изменить положение и дать возможность опять перейти в наступление на Советский Союз и выполнить "предназначенную ему свыше миссию" – создать Великую Германию... до Урала. Как известно, от этой "миссии" он не отказывался, даже когда советская артиллерия обстреливала Берлин, как не мог он и понять, что именно эта "миссия" и была причиной поражения его армий в России. Не укладывалось в его болезненном мозгу маньяка, что Германия уже стоит на пороге полного разгрома, и это – вопрос нескольких месяцев. Но в то же время Гитлер внушал себе и своему окружению, что разрыв капиталистических США и Англии с коммунистическим СССР – неизбежен и, следовательно, возможность заключения с ними сепаратного мира – не исключается. Но как их к этому склонить? До сих пор все попытки Гитлера (через нейтральную Швецию) начать мирные переговоры с правительствами Великобритании и США были категорически отклонены. Как известно, Гитлер пытался заключить мир с Англией еще в 1940 г., для чего был инсценирован полет Гесса в Шотландию, но безуспешно. А раз так, то, чтобы англо-американцы были сговорчивее, нужно поставить их в такое положение, чтобы все их победы во Франции обернулись бы для них поражением. Это обуславливалось успешным генеральным наступлением на Бельгию и Северную Францию, план которого разработали выдающиеся генералы: Дитрих, Мантейфель и Вестфаль. Они же возглавили три наступающих армии.

Вряд ли Гитлер и его командование рассчитывали, что наступление закончится полным поражением западных союзных войск и ликвидацией Западного фронта. Так далеко Гитлер не шел. Его стратагема заключалась в следующем: после одоления Арденнского плацдарма его бронетанковые дивизии выйдут на широкую равнину, открывающую дорогу на Брюссель и Антверпен. После захвата этих центров неприятельские войска окажутся прижатыми

---

* Мы думаем, что большинство немецкого населения знало немного, а боялось большевиков как таковых, и не без основания. (Прим. ред.)

к морю и вынуждены будут или сдаться в плен, или эвакуироваться – второй Дюнкерк! Разгромив северную группу неприятельских войск, германские армии, повернув на юго-запад, перенесли бы дальнейшее наступление в северную Францию и подошли бы к Парижу. Добившись такого успеха, Гитлер уже мог предложить начать переговоры с позиции силы. И он знал, что если не Рузвельт, то Черчилль воюет с оглядкой на своих коммунистических союзников. Гитлеру было известно и то, что Черчилль, чтобы предупредить Сталина и занять восточные европейские страны прежде, чем их оккупирует красная армия, настаивал на открытии Второго фронта не во Франции, а на Балканах, но этому воспротивился Рузвельт. Позднее Черчилль в своем меморандуме писал: "Марш русских через Германию до Эльбы несет с собой большую опасность".

Все это давало надежду Гитлеру, что новая победа над союзными армиями заставит британское и американское правительства отказаться от непримиримости и вынудит их пойти на мирные переговоры после того, как он обратится к ним примерно со следующим предложением: "Ваши армии разгромлены и вынуждены перейти к обороне. Я смог их разбить и взять инициативу в свои руки. А русских удерживать не буду – пусть наступают. А вас разбил и буду бить, буду громить Лондон и другие английские города ракетами Ф-1 и Ф-2, пока от них не останутся одни развалины. Как видите, на русских я не послал ни одной – они только для вас. А пока мы будем биться во Франции и уничтожать друг друга, красная армия займет всю Европу. Они уже заняли Румынию, Болгарию, Югославию, Польшу. Скоро займут Венгрию, Чехословакию... Вся Европа скоро станет коммунистической. Разве это в интересах Англии и Америки? А самим с русскими вам не справиться, если вы не можете одолеть даже мои войска, воюющие на трех фронтах. Опасность исходит не от Германии, а от красной чумы. К вам у меня претензий нет – мы можем договориться, если дело идет о спасении Европы. А имея против себя одну красную армию, я ее разобью и отгоню к старым границам. Другого выхода нет, ибо вместе с гибелью Германии погибнете и вы. Решайте – иначе будет ни мне и ни вам".

Так думал Гитлер, подготовляя свое последнее наступление. Вначале наступление развивалось успешно. Брошенная в бой 1-ая американская армия была разбита и задержала продвижение германских войск только на короткое время. К концу декабря бронетанковые дивизии, прорвав фронт шириной в 90 км., продвинулись на более, чем 100 км. в глубь Бельгии. Но Гитлер не рассчитал своих сил. Для достижения поставленных им целей германское командование не располагало необходимыми стратегическими резервами. Снимать с Восточного фронта было больше нечего. Кроме того, танковые соединения стали испытывать недостаток горючего. Захватить американские бензиновые склады, как было запланировано, не удалось – отступая, американцы их успели поджечь. Не хватало горючего и у воздушного флота, в то время как американская авиация и РАФ бомбили беспрестанно германские войска. К середине января англо-американским войскам удалось не только задержать продвижение неприятеля, но и перейти в контрнаступление. Испытывая усталость от непрерывных боев и неся колоссальные потери в людях и танках, немцы вынуждены были отступить. К началу февраля американцы вернули все потерянные позиции. Одно из самых ожесточенных и грандиозных сражений Второй мировой войны закончилось.

После поражений в Арденнах у Гитлера от его иллюзии о сговоре с англо-американцами ничего не осталось – кто будет договариваться с разбитым противником? Ясно и то, что надежды Гитлера не имели никакого основания. Если бы Арденнское наступление закончилось захватом Бельгии и какой-то части северной Франции, то все равно ни Англия, ни США никаких соглашений с Гитлером не заключили бы. Гитлер не знал одного: какие бы меры против "русской экспансии" Черчилль ни предпринимал, но о соглашении с Германией не могло быть и речи. Для Рузвельта и Черчилля самым главным было уничтожение национал-социалистической Германии.

Расчет на конфликт Англии и США с Советским Союзом тоже не имел основания. Впрочем, на этот конфликт рассчитывали не только Гитлер со своим окружением, но и многие его ненавистники из офицеров и генералов Вермахта. Но, как показала позорная соглашательская политика Рузвельта и отчасти того же Черчилля, пожалуй, никакого серьезного конфликта не было бы и тогда, если бы красная армия подошла не только к берегам Эльбы, но и если бы она подошла к Рейну. Как бы там ни было, но факт остается тот, что гитлеровская авантюра, потребовавшая переброски бронетанковых войск с Восточного фронта, задержала продвижение американских и британских армий в глубь Германии на два месяца. За это время советские войска, не встречая большого сопротивления, смогли продвинуть свой фронт от линии Восточная Пруссия – Варшава – Краков – Будапешт далеко вперед и, заняв без боя Варшаву (16 января), Краков (19 января), Катовицы (29 января), перешли границу Германии и к началу Ялтинской конференции, подойдя к реке Одер, начали строить предмостные укрепления в 130 км. от Берлина.

Занятие красной армией громадной германской территории и приближение советского

фронта к столице Германии, безусловно, отразилось на Ялтинских переговорах. И без того сговорчивые Рузвельт и Черчилль стали еще сговорчивее. Своим наступлением в Арденнах Гитлер отчасти добился своего – ни мне и ни вам. Стратегическое положение западных союзников, если принять во внимание, что их фронт все еще проходил вдоль французской и бельгийской границ, было незавидным. После оголения Восточного фронта советское командование имело большое преимущество. К началу 1945 г. германская группа войск "А" в районе Висла-Одер насчитывала всего 400 тысяч солдат и офицеров при 1200 танках и 4000 орудий, в то время как советское командование сосредоточило на этом участке фронта 2,2 миллиона бойцов при 6000 танков, добрая половина которых была получена из Америки, и 32 тысяч орудий, а советская авиация, тоже укомплектованная американскими самолетами, превышала Люфтваффе в шесть раз.

Создавшимся положением Сталин не замедлил воспользоваться, чтобы захватить восточно-европейские страны и почти половину территории 3-го Рейха. Правда и то, что разрушаемый неизлечимой болезнью Рузвельт оказался не политическим деятелем, а наивным простачком. Скорее всего, он уже начал впадать в детство, ибо трудно представить себе, чтобы человек в полном уме мог поверить во все лживые обещания Сталина, что во всех захваченных советскими войсками странах будет восстановлено демократическое правление. На возражения Черчилля, весьма слабые, пытавшегося спасти, что можно, Рузвельт просто не обращал внимания. Он иронически над ним подсмеивался во время переговоров, упрекая его в империалистических замашках. Уже с первого же дня переговоров Черчиллю стало ясно, что американский президент – союзник не столько Великобритании, сколько СССР.

Впрочем, и Черчилль в Ялте показал себя не английским бульдогом, каким его знали в начале войны с Германией, а трусливой болонкой, которая при окрике на нее трусливо поджимает хвост. Все предъявленные Сталиным требования обоими правителями самых могучих стран мира были приняты почти без поправок. Чтобы не иметь с Советским Союзом осложнений, на коммунистический произвол были отданы Польша, Венгрия, Чехословакия, Румыния, Болгария и добрая часть Германии, а о захвате СССР прибалтийских стран – Литвы, Латвии и Эстонии, они не посмели даже заикнуться. Был подписан и позорный договор о выдаче на истребление "народа без территории" – свыше миллиона не желавших возвращаться на социалистическую родину: так называемых остовцев, российских беженцев, советских военнопленных. Были выданы русские антикоммунистические войска, в том числе и 40-тысячный казачий корпус.

Будучи истерической и неуравновешенной личностью, Гитлер был на удивление последователен в одном: не только Арденнское наступление, фактически – политическая авантюра, но и любая предпринятая Гитлером политическая акция с самого начала войны с Советским Союзом, связанная или не связанная с военными действиями, была на руку только Сталину. Недаром после войны русские антикоммунисты говорили:

"Рузвельт и Черчилль были верными союзниками Сталина, но самым главным и верным его союзником были не они, а Гитлер."

А. ФЕДОСЕЕВ

Печатается в порядке дискуссии

УРОКИ ЗАПАДА ДЛЯ НОВОЙ РОССИИ

ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Все, вероятно, знают, как большевики сумели использовать колоссальную силу крестьянства для захвата и укрепления своей власти. В любой сельскохозяйственной или малопромышленной стране земледельцы представляют собой такую силу, которую ни один правитель не может сбросить со счетов. Таких сельскохозяйственных стран осталось в мире еще очень много. Все они достаточно нищие, так как сельское хозяйство не способствует высокой производительности труда, без которой невозможен высокий уровень жизни. "Нищие", конечно, по современным западным стандартам, которые Запад старается вбивать (по глупости) этим самым нищим в головы, раздувая таким образом не только их недовольство собственной долей, но и раздувая их напрасные надежды на обязанность государственной власти дать им то, что они хотят. Эта потеря расчета нищих на их собственные силы усиливается ростом вмешательства государственной власти в самодеятельность населения.

Нищета эта весьма относительна. Громадный скачок прироста населения свидетельствует, что эти нищие стали жить значительно лучше. Раньше жизнь была еще много хуже и смертность была много выше, ограничивая рост населения. Тем не менее, пример Запада воздействует на умы нищих со страшной силой. (Социализму именно потому, в частности, нужно завоевать весь мир, чтобы все было одинаково нищее и примеров лучшего не было.) В

такой обстановке частная собственность на землю становится главным, ясно и сильно ощущаемым препятствием к улучшению жизни нищего населения. Земля же есть дар природы, Бога. Она не является продуктом человеческого труда. Я имею в виду, конечно, землю, как природную территорию. Конечно, средства ирригации, удобрения, здания, посадки деревьев на земле и т.п. являются продуктами человеческого труда и, несомненно, являются собственностью человека. Но не сама земля. По сути дела каждый человек имеет натуральное, естественное право на землю (как на воздух и свет солнца) наравне со всеми.

В силу того, что для любого дела нужна территория, а деятельность людей непрерывно расширяется, возникает недостаток территории. Можно увеличить производство любого продукта рук человеческих и тем сбалансировать спрос и предложение. К территории земли это неприменимо. Так же неприменимо, как к окружающему нас воздуху, к солнечному свету и т.п., которые являются дарами природы, Бога – человеку. Неестественная собственность на территорию земли превращается таким образом в источник дохода, абсолютно не связанного ни с каким трудом. Непрерывно растущий спрос на территорию приводит к возможности колоссальных спекуляций землей. Эта спекуляция землей, конечно, не имеет ничего общего со спекуляцией любыми продуктами человеческого труда, возникающей, когда их не хватает, и способствующей расширению их производства. Спекуляция землей к расширению территории земли не приводит и не может привести. В результате, владельцы землей превращаются в истинных паразитов, живущих за счет труда остального населения. В любом городе или сельской местности даже Запада можно наблюдать повсеместно пустующие без использования земли в условиях недостатка земли и непрерывно растущего спроса на землю. Цены на землю возрастают до совершенно фантастических размеров. Частная собственность на землю становится серьезным препятствием к развитию домостроения, к развитию промышленности, к уменьшению безработицы, ограничивая рост производительности труда и повышения уровня жизни, в особенности беднейших слоев населения. Весьма любопытно отметить, что собственность на землю никак не является порождением и пороком капитализма. Собственность на землю досталась капитализму в наследство от феодализма. Принцип частной собственности капитализма распространился и на земельную собственность лишь в результате грехов феодального законодательства, также полученного капитализмом в наследство от феодализма.

Во всех отсталых сельскохозяйственных странах частная собственность на землю в условиях необыкновенного прироста населения создает буквально трагедию. Миллионы людей, не лишенных, но никогда не имевших земли, скитаются в поисках приюта и работы. В то же время, огромное количество земли пустует с целью спекуляции. Такие обстоятельства делают ситуацию безусловно крайне взрывчатой и революционной. Тем более, что правительства, понимая нелепость положения, проявляют часто полную растерянность. Нечего удивляться, что социализм с его лозунгом ликвидации частной собственности встречается нищим населением страны с огромным энтузиазмом. В таких условиях есть только два выхода: или сильнейшим террором устрашить массы и подавить (на время) революцию, или разделить землю для устранения самой причины революции. В Эфиопии, например, кровавого полковника Менгисту, вводящего социализм на массе трупов населения, крестьянство, наделенное землей, поддерживает, несмотря на все его зверства.

Плохое понимание экономики, свойственное не только правителям отсталых стран, но и стран Запада, а также многочисленным профессиональным экономистам (с марксистским уклоном), приводит к национализации, в первую очередь, не земли, а зародышевой промышленности (легче). Средства же проведения земельной реформы через выкуп земли оказываются большинству стран не под силу. Их экономика не может поднять средств, необходимых для выкупа. Выкупа, вполне аналогичного, по сути, выкупу у террористов похищенного человека. Глубоко укоренившиеся за тысячи лет традиции землевладения не позволяют произвести экспроприацию земли.

Сальвадорский режим, например, замедляет земельную реформу с выкупом (не под силу экономике) и вместо этого национализирует то, что является продуктом рук человеческих и является неотъемлемой частной собственностью, рассчитывая на ослабление этим революционной ситуации. Однако это никак революционную ситуацию ослабить не может и лишь приводит к прокладыванию широкой дороги социализму. Между тем, именно земля, а не другая собственность должна быть экспроприирована потому, что она есть дар Божий, а не человеческий продукт. Если человек использует землю, только тогда он может иметь на нее право. Поэтому земля должна принадлежать домовладельцу, использующему ее для жилища, земледельцу, использующему ее для сельского хозяйства, промышленнику, использующему ее для постройки завода или фабрики, и т.д. и т.п. Именно все общество должно распоряжаться землей, и его власти должны регулировать использование земли. (Прежде всего на самом низшем уровне общественной власти – в общинах-коммюнитис).

Для того, чтобы был интерес не только использовать землю, но и улучшать, а не портить ее, "владение" землей от имени общества должно быть пожизненным и наследственным до тех пор, пока она используется и явно не портится. Естественно, каждый "владелец" земли должен иметь право продать все, что он вложил своим трудом в землю,и все остальное имущество на земле другому, передавая ему одновременно и "владение" землей. Хотя такое "владение" землей будет отличаться от нынешнего владения лишь деликатными тонкостями, но оно исключит спекуляцию землей и существование неиспользуемой земли в условиях острого ее недостатка.*

Такая экспроприация земли (не имущества на ней) является вполне законной по Божеским законам и ликвидировала бы полностью революционную ситуацию.

В то же время, экспроприация собственности, созданной человеком, является незаконной и по Божеским и по человеческим законам и ведет ко всеобщей нищете социализма.

К сожалению, даже после необходимой земельной реформы и ликвидации причин революции уровень жизни сельскохозяйственных стран оставит желать много лучшего по сравнению с уровнем жизни Запада. Конечно, если не восторжествует социализм и на Западе.

Для преодоления этого разрыва сельскохозяйственные страны должны будут пройти, и не без соответствующих жертв, через промышленную революцию, которую Запад прошел с ужасными жертвами в XVIII и начале XIX веков. Повысить уровень жизни можно только подняв производительность труда, а это требует машин, инструментов, источников дополнительной энергии, кроме мускульной. Создание этих средств требует отрыва очень больших количеств труда и ума от производства продуктов потребления. Это требует также укрупнения участков земли для их коммерческого высокопроизводительного использования в сельском хозяйстве. Этот переход от мелкого, малопроизводительного сельского хозяйства и зародышевой промышленности к современному индустриальному и высокопроизводительному обществу – процесс очень долгий и мучительный, но, безусловно, стоящий того. Только он может поднять низкую производительность труда ранее сельскохозяйственных стран к высокому уровню промышленной страны. Этот процесс невозможен без образования, без получения людьми профессионального и промышленного опыта. Обычная благотворительность развитых стран, помогая многим несчастным людям, этому процессу помочь не может. Может его затормозить, поощряя, в какой-то степени, паразитизм и бесполезное распыление и расхищение средств. Помочь можно, только развивая образование, профессиональное обучение, освоение машин, инструментов, источников энергии.

Отсталым странам придется пройти свой очень длинный и тернистый путь к процветанию. Путь, который развитые страны проложили ценой колоссальных человеческих жертв и страданий в течение примерно одного века, прорвавшись таким способом в век изобилия. Нынешнее население развитых стран или уже ничего не помнит об этом, или считает, что это были ужасы капиталистической жадности.

Ныне развивающиеся страны, конечно, могут воспользоваться тяжелодоставшимся опытом уже развитых стран и пройти этот путь и скорее, и легче. Социалистические и либеральные* идеи могут этому процессу здорово повредить, замедлив его и усугубив несчастия. Если же ныне развивающиеся страны заразятся идеями социализма, что сплошь и рядом происходит, то они никогда не смогут достигнуть развитого уровня, если только развитые страны сами не обеднеют под давлением собственного социализма.

КУДА ПОДАТЬСЯ?

Многие люди удивляются, почему Англия не дает свободу населению Северной Ирландии (далее СИ)? Почему Англия угнетает СИ? Почему она препятствует объединению СИ с Ирландией? В действительности, все наоборот: Англия не знает, как отвязаться от СИ. Англии приходится тратить огромные суммы из бюджета, уже имеющего очень большой дефицит, терпеть специфический терроризм подпольной "освободительной" армии даже на своей территории. Терпеть потери войск в попытках поддержать законность и порядок. СИ стала буквально кровоточащей язвой на теле Англии.

Дело же в том, что население СИ состоит на одну треть из католиков и на две трети из протестантов и они между собой дерутся. В Швейцарии население тоже состоит из католиков и протестантов, но они друг с другом не дерутся и живут мирно. В Швейцарии центр власти и самоуправления находится в общинах (коммюнитис). Граждане, занимаясь своими делами, не имеют особой нужды зависеть от вла-

* Для послесоциалистической России предлагаемое понимание понятия собственности на землю будет, видимо, единственно возможным. Право прежних собственников на землю в России едва ли может быть восстановлено. Ведь не возвращать гор. Баку с окрестностями наследникам нефтяного магната Нобеля. Это было бы нелепо и несправедливо по отношению к нынешним жителям.

* Почему же могут повредить либеральные? (Прим. ред.)

стей кантона и, тем более, всей Конфедерации. Поэтому община, скажем, католическая, живет своей жизнью, управляя сама своими делами и мало завися даже от соседей. (Есть, например, общины, полностью запретившие у себя автомобиль, тогда как везде автомобиль господствует.) В результате, нет почвы, на которой могли бы возникнуть распри между одной – католической и другой – протестантской общинами.

В СИ, как и везде на остальном Западе и даже мире, центр власти и управления находится "наверху". Поэтому за всякой нуждой нужно обращаться наверх. Это вызывает, конечно, естественное соперничество и смертную обиду, когда удовлетворяются нужды по желанию большинства населения, т.е. протестантов. Попытки Англии создать автономное правительство СИ вместо управления из Лондона потерпели полное поражение. Протестанты требуют пропорционального представительства в их правительстве, а католики требуют для себя особых привиллегий, так как иначе они будут не в силах воздействовать на решения. Относительно недавно созданный в СИ самостоятельный Парламент так и не смог управлять СИ и был распущен. Таким образом самостоятельное управление СИ оказалось неосуществимым.

Католическая подпольная "освободительная" армия, вершащая суд и расправу, естественно, вызвала к жизни аналогичную подпольную армию у протестантов. Английским же войскам приходится сражаться против обеих, чтобы восстанавливать законность и порядок*. Если вывести из СИ английские войска, немедленно разгорится, как и было неоднократно, кровавая гражданская война между двумя противостоящими армиями с ее истреблением ни в чем неповинных людей, с ее экономической разрухой. Опять отвечать придется Англии и кормить безработных и пострадавших СИ за счет своего английского населения. Значит, и выводить войска нельзя.

Объединить СИ с Ирландией? Однако, протестанты, а их большинство, этого не хотят, так как сама Ирландия преимущественно католическая страна и протестанты не без оснований боятся всяческих притеснений. Поэтому протестантское большинство СИ настроено против объединения настолько, что готово восстать с оружием в руках.

Католическое население тоже не стремится присоединиться к Ирландии. При всех происходящих неприятностях в виде повышенной безработицы и экономического кризиса, СИ имеет существенно более высокий уровень жизни, чем Ирландия, близкий к таковому самой Англии. В Ирландии национальный продукт на душу населения составляет 3 788 долларов, тогда как в Англии и СИ он составляет 5 514 долларов на душу. Пособия по безработице и болезни и пенсии, не говоря уже о других благах, в СИ больше, чем в Ирландии. Поэтому большинство и католиков не имеет желания объединяться. Для католиков, однако, признание этого факта квалифицируется "освободительной" армией, как национальное предательство и наказывается или членовредительством, или даже смертью. Кто же хочет объединения? В основном, только сама подпольная "освободительная" армия со штабом, находящимся в Ирландии, но действующая через границу на территории СИ. Таким образом, нельзя осуществить ни превращения СИ в самостоятельное государство, ни объединения с Ирландией, ни вывода войск, ни управления из Лондона, и СИ ложится большим и несправедливым бременем и на мораль, и на карман англичан. Существование в правительстве Англии в Лондоне членов парламента от СИ тоже ничему не помогает. Советская власть, конечно, разрешила бы всю задачу очень просто. Ввела бы паспортную систему и прописку, закрыла бы намертво границу, через которую делают набеги "освободители", расстреляла бы сотню главных возмутителей и сгноила бы в концлагерях пару сотен тысяч людей. После этого все было бы совершенно тихо, несмотря на весь "свободолюбивый" и "вспыльчивый" характер ирландцев, как в СИ, так и в Ирландии. Тем временем СССР использует все средства для раздувания ирландского вопроса и "вспыльчивости" ирландцев, снабжая "освободительную" армию оружием, инструкциями и обучая террористов их профессии. Есть и швейцарское решение: создать полностью самоуправляемые отдельные католические и протестантские общины (коммюнитис) с собственным финансированием и обеспечением. В этом случае "освободители" полностью потеряли бы поддержку в населении и были бы искоренены самим населением. Любопытно, что вероятность швейцарского решения даже ниже вероятности советского, хотя обе очень малы. Поэтому пока просто некуда податься, и СИ остается кровоточащей язвой на теле Англии. Спрашивается, а что бы вы предложили?

ДАРВИН И БИБЛИЯ

Распри и споры между отдельными представителями науки и отдельными представителями церкви и между их сторонниками в публике все не утихают. Именно между представителями науки и церкви потому, что, самим по се-

* До начала борьбы даже в городах, где 80% населения – католики, бургомистром должен был быть протестант. (Прим. ред.)

бе, науке и религии делить абсолютно нечего. Наука может раскрыть законы и факты только те, которые содержатся в окружающем нас мире и который, со всеми его законами и фактами, создал Бог. Никаких других законов и фактов наука раскрыть не может. Конечно, если это наука, а не фальшь и обман. В то же время, можно ли отказаться от религии и следовать только науке? Невозможно. То (из законов Бога), что познала наука, и то, что она еще познает в будущем, составляет бесконечно малую крупицу в бесконечно большом и бесконечно обширном содержании Вселенной. Уже сейчас становится довольно ясно, что наука никогда не будет в состоянии исчерпать не только всех тайн неизмеримо сложного нашего человеческого организма, но даже всех тайн простейшего создания – вируса. Ведь вирус – это множество молекул, а молекулы состоят из атомов, а атомы – из "элементарных" частиц, которые никак не хотят становиться элементарными. Становится все яснее, что предполагаемые "элементарные" частицы "состоят" из той же якобы "пустоты", в которой движутся все галактики, звезды и планеты. Астрономы "потеряли" неизвестно где 80–90% "вещества", так как все галактики, звезды и планеты Вселенной составляют всего 10–20% предполагаемой массы Вселенной. Остальная масса находится неизвестно где. Знаменитая теория возникновения Вселенной в результате взрыва плотного "комка вещества", приведшего к образованию "разбегающейся" Вселенной, включая нашу планету, создает много больше вопросов, чем дает ответов.

Действительно, а что же было до взрыва и что это такое это самое "пустое" пространство, в котором продукты взрыва движутся, и что же находится там, за пределами Вселенной? Нужно прямо сказать, что научная картина сотворения мира никак не может удовлетворить нас всех. Она чрезвычайно незаконченна, чрезвычайно противоречива и чем дальше, тем становится более и более противоречивой и незаконченной. Впрочем, это относится и ко всей остальной науке. Чем больше она открывает, тем больше она становится противоречивой и незаконченной.

Конечно, специальность науки и ее главная роль заключены в повышении нашего жизненного уровня и культуры. Холодильники, автомашины, высокая урожайность, обнаружение новых источников энергии и т.д. и т.п. Список того, что дала человеку наука, открывая законы Бога, просто огромен. Без науки мы продолжали бы жить в пещерах, по-видимому, не имели бы и религии.*

Но дело и не только в ограниченности науки. Наше собственное существование и поведение чрезвычайно мало основывается на науке и логике. По моей оценке, не более, чем на 20%. Все остальное нелогично, иррационально, эмоционально, непредсказуемо. Поэтому наука никак не может нам помочь в 80% наших жизненных ситуаций. Например, что делать родителям, если сын поджег школу или, вообще, стал преступником? Наука не может дать нам ответа и на неизмеримо более простые задачи.

Таким образом, наука занимает в нашей жизни большое и почетное место, но жить по науке мы не можем и никогда не сможем. Наука и человеческий разум представляют собой очень мощную силу, но, как и человеческая наука, так и человеческий мозг крайне ограничены. Единица с 11-ю нулями – число "мыслительных элементов" в нашем мозгу – способно воспринять не больше, чем содержание всего 10 000 книг умеренного размера. Процесс нашего познания очень медленный. Максимум того, что могут воспринять все наши пять чувств, составляет всего 300 бит информации в секунду. Один лишь кадр цветного телевидения содержит около одного миллиона бит, а в секунду проходит иногда до 100 кадров. Вся остальная масса информации остается вне нашего сознания. Мы даже и не подозреваем обычно, как мало информации из окружающего мира попадает в наш мозг и, тем более, усваивается. Мало того, что эта статья будет прочитана очень немногими, но и прочитавшие пропустят очень многое из того, что я пытался сказать. И еще меньшая часть осядет в сознании и будет принята "на вооружение".

Компьютеры этого положения изменить не могут. Человек может пользоваться только такими компьютерами, которые он сам способен создать и понять. Компьютер, который ни один человек не способен понять, люди не смогут применять, даже если он и появится на свет. Следовательно, и с компьютерами не уйти от ограниченности человеческого разума. Между тем религия, Библия и Евангелие учат многих из нас тому, чему наука научить не в состоянии. В частности, религия дает хоть какой-то рецепт и для случая сына, поджегшего школу, и может дать его, если не для всех 80% случаев, то для многих из них. Религия дает и ясную картину мироздания. Эта картина и для детского разума и его воспитания дает гораздо больше, чем любая наука. И ничего плохого нет в том, что затем школьник узнает много нового, но более сложного, более противоречивого и из науки. Библия и Евангелие написаны все же людьми. Люди же, как бы они ни были гениальны или избраны Богом, могут и ошибаться и понимать Бога только в переводе на человеческий язык и масштаб. Семь дней творения в масштабе Бога могут означать милли-

---

* Это не так, религия есть у племен и без науки. (Прим. ред.)

оны лет в масштабе человека, а их содержание, конечно, не могло уместиться в краткое описание Библии. Конечно, нет никакой необходимости отрицать Библейское описание потому, что Дарвин предложил теорию эволюции. Или отрицать проверенную часть теории эволюции Дарвина только потому, что она якобы противоречит Библейскому описанию. Потому что и истинные факты науки, и Библейское описание даны Богом, и противоречия могут содержаться или в человеческом понимании и толковании, или в неверных человеческих описаниях.

По моему глубокому убеждению, Библейское, более простое и ясное описание, должно даваться в школе задолго до учения Дарвина и не в замену, а в поддержку первому или, если хотите, в разъяснение и усложнение. Тогда будущий человек, переходя от более стройного и ясного к менее стройному и более противоречивому и сложному, будет следовать историческому пути познания мира человеком. Он научится тому, что наука и религия никак друг друга не исключают, а составляют весьма ценное для людей единство, отражающее всю неизмеримость Вселенной и противоречивость и неполноту нашего понимания. Человек нуждается как в картине архитектуры и создания мира, которых не может дать наука, так и в рецепте, как починить электрический чайник, который дает наука и который совсем не должен входить в содержание религии.

В самых лучших интересах человека совмещать науку и религию, как два взаимно необходимых средства жизни. Как два навигационных инструмента, действующих в нашем плавании по бесконечно огромному океану настоящей и будущей жизни.

В. КОБЫЛИН

Печатается в порядке дискуссии

ГОСУДАРСТВО

Из курса государственного права мы знаем, что государство состоит из трех основных элементов – власти, народа, территории. Помимо этих общих черт, в государстве существуют различные социально-политические системы. Культура и цивилизация отдельных стран часто значительно отличаются друг от друга. Первым отличительным признаком любой нации (народа), населяющей то или другое государство, является язык. Религиозная принадлежность тоже играет иногда большую роль в создании национальной культуры.

В разные эпохи государство как политико-экономический феномен достигало развития разного уровня.

Современное государство является наиболее очевидным и общеизвестным следствием цивилизации. В наше время цивилизации угрожает большая опасность – подчинение всей жизни государству, вмешательство его во все области, поглощение всей общественной инициативы государственной властью. Это означает уничтожение исторической самодеятельности общества, которая в конечном счете движет судьбами человечества. Может ли государство управляться народными массами? Конечно, нет. Но в наше "демократическое" время, когда и коммунистический режим называет себя демократическим (Немецкая Демократическая Республика – Deutsche Demokratische Republik), любая тоталитарная или авторитарная доктрина пристегивает к своей партии слово "демократическая". Если проанализировать это филологически и с точки зрения философии права, то это означает, что народу принадлежит суверенитет, то есть Верховная власть. Это, конечно, явное заблуждение. Государство нашего времени и народные массы тождественны только в том, что оба они – анонимы. Но государственная машина, управляемая анонимами, стремится под всякими предлогами вмешиваться в частную жизнь населения страны. В этом случае подавляется творческое мышление человека во всех областях жизни: в политике, в науке, в промышленности. Это стремление будет иметь роковые последствия. Творческие стремления общества будут все более подавляться вмешательством государства. Общество будет принуждено жить для государства, человек – для правительственной машины. И так как само государство, в конце концов, только машина, существование и поддержание которой зависит от живой силы, то государство, использовав эту живую силу общества, обескровленное, кончает свое существование.

Такова была судьба античной цивилизации. Римская Империя, созданная гением Юлия Цезаря, Клавдия и других подлинно государственных людей, была отличной государственной машиной. Но, как только Империя достигла полного развития, общественный организм начал разлагаться. Уже во втором веке государство начинает подавлять общество своим бездушным могуществом, порабощать его. Вся жизнь стала сводиться к служению государству. Это привело к постепенному упадку во всех областях жизни. Наиболее острой потребностью государства становится его военная машина – армия. Первой задачей государ-

ства является укрепление власти и завоевание чужеземных стран.

Уже в наше время Муссолини выработал формулу: "Все для государства, ничего помимо государства, ничего против государства!"

Этатизм является высшей формой политики насилия и прямого действия, когда он возводится уже в норму, в систему, когда анонимы проводят свою волю от имени государства и средствами государства – этой анонимной машины.

Но нормальные, прочные отношения между людьми никогда не покоятся на силе. Власть есть нормальное проявление авторитета, и она должна, если она претендует быть нормальной, быть основанной на общественном мнении. Поэтому власть – это не угроза силой, а спокойное применение ее. Для власти нужна не столько сила, сколько умение оставаться авторитетной для страны своей деятельностью. Отсюда мы приходим к бесспорному утверждению – нельзя править против общественного мнения. Следовательно, всякая власть, если она не является тоталитарным, партийным насилием, есть проявление духовной силы. Мы знаем из истории, что всякая первобытная власть имеет "священный" характер, то есть она коренится в религиозной сфере. В той же религиозной сфере мы находим все то, что впоследствии принимает название духа, мысли, – все нематериальное, метафизическое.

В Средние века первым государством, первой общественной властью, образовавшейся в Европе, была Церковь с характером духовной власти. Светская власть восприняла идею "духовной силы", господства определенных идей. Так возникла Священная Римская Империя. Но тут Церковь и светская власть разделили, так сказать, свои сферы: одна берет себе временное, другая – вечное. Светская власть есть дух времени – общественное мнение, земное и изменчивое; Церковь – дух вечности, мысль Бога, Его суждение о человеческих судьбах.

Люди обыкновенно не имеют собственного мнения, они принимают мнения готовыми из окружающей среды. Поэтому необходимо, чтобы какой-то дух обладал властью и пользовался ею, чтобы снабдить надлежащим мнением тех, кто своего мнения не имеет, то есть большинство людей.

То, что происходит сейчас в Европе и во всем мире, есть нечто нездоровое и странное. Весь мир – народы и индивиды – деморализован. Без заповедей жизни, которые обязывают нас к определенному образу жизни, наше существование становится бесцельным. В таком ужасном духовном состоянии оказывается сейчас часть нашей молодежи. Чувствуя себя свободной от всяких уз и запретов, она ощущает пустоту. Бесцельное существование – это отрицание жизни, это духовная смерть. Жить – это значит выполнять какое-то задание. Всякое уклонение от этого ведет к опустошению жизни.

После того как Европа потеряла свое значение как политический центр, на сцене истории появляются Москва и Вашингтон.

Оба государства, как Соединенные Штаты, так и Российская Империя, ставшая Советским Союзом, значительно моложе государств Западной Европы.*

Распределение функций управления и подчинения является решающим в каждом обществе.

Сейчас мы постараемся хотя бы бегло проанализировать структуру государства с коммунистическим режимом, то есть Советского Союза.

Коммунистический режим едва ли не самый простой, хоть он и ведет к самой утонченной тирании и к самой грубой эксплуатации. Единственная партия, коммунистическая, образует собой стержень всей общественной деятельности: политической, экономической и идеологической. Вся общественная жизнь останавливается или движется вперед, отстает или меняет движение в сторону в зависимости от того, что делается в партийных органах. Законы и постановления особого значения не имеют. Важны фактические, неписанные правила, определяющие отношения между правительством и населением. Независимо от того, что говорится в законах (например в конституции), каждый знает, что управление страной находится в руках партийных органов и тайной полиции (Чека, ГПУ, НКВД, МВД, КГБ). Роль партии нигде точно не определена, но ее власть твердо установлена во всех областях жизни. Нет закона, который давал бы право тайной полиции вмешиваться в частные дела подсоветских людей, но на самом деле она всемогуща.

Коммунистический режим народился еще в то время, когда коммунистическая партия подготовляла революцию. Партийные органы – это просто прежняя коммунистическая ячейка, которая с тех пор расширялась, развивалась и усовершенствовалась. Коммунистический режим остается партийным режимом, коммунистическая армия – партийной армией и государство – партийным государством. Коммунистическая партия требует от своих членов единого мировоззрения и единого взгляда на развитие общества. Таким образом марксизм стал теорией, содержание которой определяется исключительно партийными руководителями. Настаивание на том, что только

---

* Мы с этим не согласны. Российское государство было основано приблизительно в 860 г., а Карл Великий коронован в 800 г. – 60 лет разницы, всего! (Прим. ред.)

марксизм может считаться научным учением, положило начало идеологической монополии партийного руководства, которая превратилась позже в полную монополию его власти над обществом. Все зависит от партии, которая обладает абсолютной властью над обществом, и внутри ее нет ни малейшей свободы.

Государственная власть при коммунизме быстро оказывается в руках узкого круга партийных руководителей. Из всего этого ясно, что в коммунистической системе независимости нет ни для кого.

Зависимы все, даже те, кто принадлежит к партийному возглавлению, даже сам верховный руководитель партии. Все они зависят друг от друга и оторваться от своего окружения, от его преобладающих интересов и идей не могут.

Самая важная проблема коммунизма – как в теории, так и на практике – это вопрос о государстве. Коммунистический режим – это нечто вроде постоянной гражданской войны между правительством и населением. При коммунистическом режиме никогда не может быть правового государства. В Советском Союзе законодательная власть неотделима от исполнительной; полицейская власть на практике не отделена от судебной. Все государственные органы – это одно и то же. Коммунисты ставят себе идеологические цели и для осуществления их не останавливаются ни перед какими средствами. Средства эти становятся все более свирепыми по мере того, как цели делаются неосуществимыми. Эти методы достигают пределов бесчеловечности. Но коммунисты заявляют, что важна цель, а не средства. Важно, что теперь существует социализм. Этим коммунисты оправдывают тиранию и самые преступные меры угнетения. Но это происходит из-за сущности самого режима. Будучи тоталитарным, коммунистический режим не может быть разборчивым в средствах.

Что же дает в конечном счете коммунистический режим? Полное подчинение сверхгосударству, лишенному не только нравственных, но и правовых норм. Рабство, полное рабство, лишение свободы не только что-то делать, говорить, но даже и мыслить иначе, чем требует страшное чудовище партийного марксизма-коммунизма. Коммунизм пропитан ложью, а где ложь – там рабство духа.

В странах, где существует демократическая система, свобода выборов и существование политических партий, усиливается партийное начало. Это ведет иногда к самым плачевным результатам. Так, например, Адольф Гитлер и его "Национал-социалистическая немецкая рабочая партия" пришли ко власти совершенно законным путем, получив громадное большинство на выборах в Рейхстаг.

Альенде и его марксистская партия получили большинство голосов в Чили на выборах в парламент. Наконец, в этом году во Франции и Греции у власти оказались в первом случае коалиция социалистов с коммунистами, а во втором – социалисты, собирающиеся изменить весь облик существующего порядка в Греции.

Говорить о совершенстве демократической системы очень трудно, так как она дает возможность прихода к власти людей, которые эту систему уничтожают, так сказать, согласно "священному" кодексу демократии – большинству.

Вряд ли стоит сомневаться в том, что часто большинство на выборах возникает из-за многих случайных факторов, которые ловко используются партиями.

В настоящее время легко заметить, что основное зло почти во всех государствах заключается в политических партиях, в особенности, марксистского толка – в социалистических и коммунистических. Когда эти партии приходят к власти, общественное мнение или совершенно игнорируется, или подделывается партийными руководителями так, как это им нужно.

Партия – это почти всегда насилие, она навязывает государству партийную программу, которая становится догмой. Как бы ни называть партийные политические и экономические меры, это всегда подмена нормального уклада жизни партийными предписаниями. Но, вот подите, есть люди, чрезвычайно одаренные, с большим интеллектом и эрудицией, но никак не соглашающиеся не допускать марксистские партии в политическом спектре государства.

Есть и другая точка зрения. Она состоит в том, что партии не представляют собой народные массы, а только их руководителей, которые при помощи демагогии, извращения фактов и всяческих подлогов умеют привлечь к себе благожелательное отношение обывателей, не разбирающихся в политических сложностях нашего времени.

Отсюда нетрудно сделать соответствующие выводы. Принцип большинства так же порочен, как и диктатура, так как диктатура почти всегда основана на силе. В основу принципа государственной власти должен быть положен нравственный критерий.

Теперь повсюду говорится, что "религия – это частное дело" каждого. Я не сторонник теократии, но полное удаление религиозной жизни из государственной и общественной сферы, конечно, тоже порочно. Это происходит не только в странах с коммунистическим режимом, но и в такой стране как Соединенные Штаты Америки. И в первом и во втором случае результаты чрезвычайно плачевны.

И мнится мне, что если в будущем коммунизм будет как-то изжит или "сгинет", что ли,

то никакие партийные программы, как бы они ни пыжились, обещая "молочные реки и кисельные берега", никакие рецепты европейского или американского образца не подойдут к установлению нормального быта и уклада жизни.

Партийность, какой бы она ни была, это всегда навязывание, часто насильное, своих идей для ломки жизни в угоду или маньякам или преступным элементам.*

* С последним редакция не согласна. Она не считает, что все партии в свободном мире порочны или служат целям маньяков и преступников. (Прим.ред.)

Д. ШТУРМАН

ЗАКОНОПОСЛУШНЫЙ БУНТ

Предисловие

Первое и главное, о чем я хочу сказать, предваряя эту статью: я начинаю ее с чувством глубокого уважения к тем, чьи взгляды хочу в ней рассмотреть, к их деятельности, ее побуждениям и результатам.

Второе: независимо от того, широк или узок круг лиц, занятых данной проблематикой, способны ли принести какую-то пользу ее разработки или неспособны, те, кто к ней привержены, не в состоянии от нее отойти. Останется один собеседник – они будут обращаться лишь к одному. Не останется ни одного – продлится безадресный монолог сознания, пожизненно прикованного к зловещей тематике. Эта тематика может быть очерчена так: о том, что оставлено за спиной, но неуклонно распространяется, прорастает вокруг и в любой миг может оказаться перед глазами.

Может быть, и бестактно, уехав оттуда, продолжать думать и говорить о том, *что* и *как* нужно делать там. "Но не думать просто невозможно"... Все-таки тонкой струйкой текут туда, через границу, журналы, газеты, книги. Все-таки, в какой-то, пусть чудовищно малой, но не убывающей степени наши споры – это и диалог с оставшимися.

Хуже обстоит дело с диалогом между нами и нашими новыми соотечественниками. А ведь по нашему внутреннему ощущению, субъективно мы говорим и для них, потому что их будущее устремлено к нашему прошлому и настоящему. Но и здесь мы ничего с собой поделать не можем: говорим так, будто нас слышат. Мы так говорили десятилетиями – в стол, в узком кругу ближайших, в безвестности подписанного, анонимного и псевдонимного Самиздата. Авось какой-то попутный и неведомый ветер донесет сказанное и до не обращенного к нему слуха. А если не донесет, значит такова общая наша доля – быть неуслышанными и не слышать. Внушает некоторую надежду одно обстоятельство: мы, родившиеся в 1920-х, пришли сюда и увидели феномен, ранее нам незнакомый, – культуру и прессу двух бывших до нас эмиграций, Россию унесенную и сохраненную, живую мысль не только о прошлом, но и о том, что более полувека переживалось нами. И если мир уцелеет, то, возможно, сольются когда-нибудь разобщенные потоки одной культуры, однопочвенной мысли.

А впрочем, все оправдания того, почему мы не умолкаем при столь слабой надежде на практическую полезность наших речей, сводятся к старой пословице: "у кого что болит, тот о том и говорит".

Неподлинная реальность

У Станислава Лема есть роман "Эдем"[1]. На планете, саркастически названной раем ("Эдем"), между звездолетчиками-землянами и аборигеном-диссидентом происходит следующий диалог:

"– План – есть, нет. (Пауза). Теперь – план когда-то не был. (Пауза). Теперь мутации, болезнь. (Пауза). Информация подлинная – план был – теперь нет.

– Не уловил, – признался Инженер.

– Он говорит, что в настоящее время отрицается существование этого плана – как будто его вообще никогда не было, а мутации якобы являются видом болезни. В действительности план был проведен в жизнь, а потом его отбросили, не желая признать своего поражения.

– Кто?

– Эта их якобы несуществующая власть.

– Постойте, – сказал Инженер, – как же это? С момента, когда последний анонимный властитель перестал существовать, воцарилась как бы "эпоха анархии", так, что ли? Так кто же проводил в жизнь этот план?

– Ты ведь слышал. Никто его не проводил – никакого плана не было. Так сегодня утверждают.

– Ну хорошо, но тогда, пятьдесят или сколько там лет назад?

– Тогда утверждали что-то другое.

– Нет, это невозможно понять".

Почему, собираясь говорить об одном из направлений современной советской оппозиционной мысли, я вспомнила разговор на планете Эдем?

Не только потому, что Ст. Лем в своей аллегории, в частности, в разговоре о "плане" ("Теперь – план когда-то не был... Информация подлинная – план был – теперь нет"), весьма точно воспроизвел информационно-пропагандистскую политику партократической государственности. Еще и потому, что героическая оппозиция, о которой пойдет здесь речь, тоже смоделировала для себя неподлинную реальность и рассуждает так, как если бы эта реальность была подлинной. А для оппозиции, действующей в таких смертоносно опасных обстоятельствах, как обстоятельства планеты Эдем, чрезвычайно важно иметь как можно более точные представления о реальности – даже в том случае, если тактически целесообразно действовать так, словно реальность носит иной характер, чем это имеет место на самом деле.

* * *

Советские оппозиционеры-правозащитники хотят считать, что их действия, направленные против произвола ЦК-ГБ в СССР, легальны с точки зрения основного государственного закона СССР – его конституции. *Легальность* действий (то есть пребывание в рамках конституции СССР), *открытость* и *ненасильственность*, причем ненасильственность безоговорочная и вневременная, – вот три кита, на которых покоится идеология и стратегия подсоветских правозащитников-легалистов. То, что правозащитники искренне отрицают власть над собой какой бы то ни было идеологии, ничего не меняет: идеология есть и ее устои весьма отчетливо сформулированы.

Обоснованию правозащитного триединства: легальность, открытость, ненасилие – посвящена в существенной мере одна из самых героических повестей 1970-х гг. – книга В. Буковского "И возвращается ветер"[2].

В. Буковский убежден в законности своих и своих соратников действий с точки зрения советского законодательства. Это убеждение и погружает правозащитников в неподлинную реальность – тем глубже, чем полнее они руководствуются этим тезисом в своих повседневных действиях.

К счастью, они руководствуются им не всегда. Но всегда существует угроза, что кто-то воспримет тезис легальности действий правозащитников с юношеским доверием или фанатическим пылом и максимализмом. И это умножит жертвы на и без того тернистом пути.

Что говорят документы

Главной опорой легалистов являлась до 1977 года статья 125-я "сталинской" (1936 г.) конституции СССР. Говорят, эта статья была сформулирована Н. Бухариным. Бухарин очень умело оперировал неоднозначными формулировками. Статья 125-я не утратила своей коварной *синтаксической* двусмысленности и превратившись в статью 50-ю ныне действующей конституции 1977 года, на которую опираются легалисты сегодня.

В последней (1977 г.) редакции конституции СССР статья 48-я гарантирует трудящимся "право участвовать в управлении государственными и общественными делами" (как, в *какой мере, посредством каких обеспечивающих* это участие механизмов, в ней не сказано). А вышеупомянутая статья 50-я конституции 1977 года гласит:

"В соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантируются свободы: слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций.

Осуществление этих политических свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, улиц и площадей, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио".

Не мудрствующий лукаво читатель полагает, что эта статья конституций 1936-го и 1977-го гг. допускает перечисленные выше "свободы" только "в целях укрепления и развития социалистического строя", в упрочении коего и состоят "интересы трудящихся". За эти пределы статья 50-я не позволяет ступить ни шагу.

Легалисты же упорно отстаивают свое прочтение 125-й и 50-й статей двух конституций: по их убеждению, эти статьи констатируют, что "интересы трудящихся" и "укрепление социализма" требуют предоставления трудящимся всех перечисленных в обеих статьях свобод.

Главным теоретиком легальности действий правозащитников является для В. Буковского А. Есенин-Вольпин. Логика А. Есенина-Вольпина представляется В. Буковскому неуязвимой. Поэтому я приведу большой отрывок из упомянутой книги В. Буковского, воспроизводящей оппозиционерскую логику А. Есенина-Вольпина:

" – Вы же советский человек, говорит с напором сотрудник КГБ, – а значит, должны нам помочь.

И что ты ему скажешь? Если не советский, то какой? Антисоветский? А это уже семь лет лагерей и пять ссылки. Советский же человек обязан сотрудничать с нашими доблестными органами – это ясно, как день. За что, к примеру, меня выгнали из университета? За то, что не соответствую "облику советского студента".

Между тем, доказывал Вольпин, никакой закон не обязывает нас быть "советскими

людьми". Гражданами СССР – другое дело. Гражданами СССР все мы являемся в силу самого факта рождения на территории этой страны. Однако никакой *закон* не обязывает всех граждан СССР верить в коммунизм или строить его, сотрудничать с органами или соответствовать какому-то мифическому облику. Граждане СССР обязаны соблюдать писанные законы, а не идеологические установки.

Далее, понятие советской власти. Вы против советской власти или за? Я могу думать что угодно, но если я официально заявляю, что против, – это уже антисоветская пропаганда. Опять семь плюс пять. Что ж мне – лгать? Или сознательно нарушать законы? Однако этого и не требовалось. Согласно Конституции СССР, политическую основу советской власти составляет власть советов депутатов трудящихся, тот самый бутафорский орган, который на деле имеет меньше власти, чем рядовой милиционер. Ни о какой партии в этом разделе Конституции и помина нет.

– Возражаю ли я против власти некоего парламента, который называется Совет депутатов трудящихся? – рассуждал Вольпин. – Нет, не возражаю. Тем более что абсолютно нигде не сказано, что он должен быть однопартийным. Название, конечно, можно было бы придумать и получше.

Это рассуждение было чрезвычайно важным, так как на практике власти автоматически объявляли антисоветским все, что им не нравилось. Рассуждая же строго юридически, никто из нас не совершал преступления, пока не выступал прямо против власти советов депутатов трудящихся. А кому она мешает?

Создавая законы в основном для пропаганды, а не для исполнения, наши идеологи перемудрили. Им, в сущности, ничего не стоило написать вместо Конституции: "В СССР все запрещено, кроме того, что специально разрешено решением ЦК КПСС". Но это, наверное, вызвало бы лишние трудности, несколько шокировало бы соседние государства. Сложнее стало бы распространять свой социализм за рубеж, легковерным людям. А потому они понаписали в законах много свобод и прав, которых просто не могли бы допустить, – справедливо считая, что не найдется таких отчаянных, чтобы потребовать от них соблюдения этих законов.

Поэтому идея Вольпина в переводе на человеческий язык с машинного сводилась к следующему:

Мы отвергаем этот режим не потому, что он называется социалистическим: что такое социализм, никакой закон не определяет, и, следовательно, граждане не обязаны знать, что это, – а потому, что он построен на произволе и беззаконии, пытается навязать силой свою идиотскую идеологию и заставляет всех лгать и лицемерить. Мы хотим жить в правовом государстве, где закон был бы незыблем и права всех граждан охранялись бы, где можно было бы не лгать – без риска лишиться свободы. Так давайте жить в таком государстве. Государство – это мы, люди. Какими будем мы, таким будет и государство. Данные нам законы при внимательном рассмотрении вполне позволяют такую интерпретацию. Давайте же – как добрые граждане нашей страны – соблюдать законы, как мы их понимаем, то есть как они написаны. Мы не обязаны подчиняться ничему кроме закона. Давайте защищать наш закон от посягательств властей. Мы – на стороне закона. Они – против. Конечно, в советских законах есть много абсолютно неприемлемого. Но разве граждане других, свободных стран довольны всеми своими законами? Когда закон гражданам не нравится, они законными средствами добиваются его пересмотра".[3]

Правозащитники игнорируют все партийные и юридические документы, утверждающие коммунистическую партократию, как неконституционные, ибо, по их убеждению, в конституциях СССР монопартократия не постулирована. Ограничусь и я рассмотрением лишь одного документа – конституции СССР.

Рассуждение А. Есенина-Вольпина не требует перевода "на человеческий язык с машинного", ибо оно построено соответственно человеческой, а не машинной логике. Правда, на первый взгляд, кажется, что машина, получившая приказание рассмотреть *только один* раздел конституции и не запрограммированная понятием преамбулы как препостулата, относящегося ко всем разделам данного документа, рассуждала бы именно таким образом. Но человек А. Есенин-Вольпин изучил, несомненно, всю конституцию. Поэтому он прибегает к оговорке, для машины пока еще немыслимой, и мимоходом подчеркивает свою опору лишь на один, тактически ему удобный раздел конституции (Глава X "Основные права и обязанности граждан" конституции 1936 г. и глава 7-я "Основные права, свободы и обязанности граждан" раздела II "Государство и личность" конституции 1977 г.):

"Ни о какой партии *в этом разделе конституции и помину нет". (Курсив Д.Ш.)*

Ну а в других разделах?

В отличие от синтаксически двусмысленной статьи о свободах, приведенной выше, в конституции имелись до 1977 года и наличествуют теперь формулировки вполне однозначные. Так, преамбула, безусловно относящаяся ко всей конституции 1977 года, ныне гласит:

"Выполнив задачи диктатуры пролетариата, Советское государство стало общенародным. Возросла руководящая роль Коммунистической партии – *авангарда всего народа"* (Курсив Д.Ш.)

А в статье 6-й раздела I-го "Основы общественного строя и политики СССР" уточнено, *что* следует понимать под "руководящей ролью" и "авангардом всего народа" (заметьте – *всего*):

"Статья 6. Руководящей и направляющей силой советского общества, *ядром его политической системы, государственных и общественных организаций* является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет *генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР,* руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма". (Курсив Д.Ш.)

В конституции, действовавшей до 1977 года, партократия откровенно легализовалась еще и статьей 126-й, уточняющей и конкретизирующей смысл преамбулы к основному закону СССР. Цитирую:

"Статья 126. В соответствии с интересами трудящихся и в целях развития организационной самодеятельности и политической активности народных масс гражданам СССР обеспечивается право объединения в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества, а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции добровольно объединяются в Коммунистическую партию Советского Союза, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества и *представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных".* (Курсив Д.Ш.)

Действительно, "абсолютно нигде не сказано", что бутафорский советский "парламент" или бутафорские же советы "должны быть однопартийными". Но "руководящей и направляющей силой...", "ядром...", "основой государственных и общественных" учреждений и организаций в СССР, а следовательно и советов, и органов информации (в том числе прессы), и судебных, и административных органов, и других партий, ежели КПСС их создаст себе на подмогу, и т.д. и т.п., – является единственная объявленная в конституции партия – КПСС.

Я не признаю *такой* конституции основанием для своего общественного поведения. А вы признаете? Тогда прекратите тяжбу с КПСС и доверьтесь ее узаконенной конституцией руководящей и направляющей роли во всех сферах советской жизни. Ибо успешно "трясти перед носом конституцией" (В. Буковский) оппозиции удается только при достаточной юридической малограмотности собственника данного носа. Чуть более осведомленный представитель власти раскроет конституцию на других страницах и освежит в памяти оппозиционеров формулировки, недвусмысленно узаконивающие партократию.

А. Есенин-Вольпин призывает "соблюдать законы, *как мы их понимаем, то есть как они написаны"* (Курсив Д.Ш.).

Понимать, разумеется, можно все, что угодно, так, как толкователю это представляется правильным или удобным. Написан же основной советский закон однозначно. И даже международные документы, подписанные СССР, ничего в этом не меняют: *как* толковать и применять все подписанное (включая и Хельсинское соглашение), надлежит решать, *согласно конституции СССР,* все той же КПСС – руководящей и направляющей силе, ядру государственных и общественных организаций, определяющей *"линию внутренней и внешней политики СССР".*

Можно, конечно, легально добиваться изменения некоторых второстепенных советских законов. Например, закона о пенсиях, или о совместном или раздельном обучении девочек и мальчиков, или о ношении или неношении школьной формы и т.п. (сегодня – можно: КПСС разрешает).

Можно многое выиграть, хорошо зная законы и отстаивая свои права, запечатленные в уголовно-процессуальном, в пенсионном, трудовом, жилищном и прочих частных аспектах советского законодательства. Нескончаемые потоки жалоб, ходатайств и апелляций непрерывно циркулируют между гражданами и официальными инстанциями СССР. Их рассмотрением заняты гигантские армии чиновников. Эффективность ходатайств и жалоб невысока, но все-таки восстановления законности во множестве частных случаев удается добиться. В качестве служебного лица, депутата сельского совета и просто сочувствующего наблюдателя я много лет с переменным успехом занималась поисками управы на беззаконие в бытовых и трудовых вопросах. Но посягательство на всевластие КПСС в управлении обществом и государством изначально квалифицировалось и квалифицируется ЦК-ГБ как посягательство на государственный строй СССР. *Таковым оно и является,* ибо однопартийность и произвол ("направляющая и руководящая роль") слитой с государственной властью и единственной в стране партии есть практическая и *конституционная* основа советского строя. Среди основоположников этого строя были юристы и весьма не простодушные люди. Они своевременно озаботились тем, чтобы реальность советского права конституционно

предопределялась критериями их партии[4]. И введение в это право каких-либо внепартийных критериев есть в СССР неконституционная акция. Кстати, преамбула конституции 1977 года однозначно провозглашает, что "Высшая цель Советского государства – построение бесклассового коммунистического общества..." и объявляет строительство коммунизма – в том числе и в идеологическом плане – главной задачей "социалистического общенародного государства". Таким образом приведенные В. Буковским слова А. Есенина-Вольпина: "... никакой *закон* не обязывает всех граждан СССР верить в коммунизм или строить его", – опровергаются наиболее общими положениями конституции, предшествующими изложению ее статей.

Даже УПК РСФСР узаконивает партократический произвол. В новейшей его редакции отчетливо сказано, что суд руководствуется законом и "социалистическим *правосознанием*" (Курсив Д.Ш.). Даже не "социалистическим *правом*", а "правоСОЗНАНИЕМ". Последнее слово позволяет законно расширить право до произвола ("сознания") суда, "ядром" которого (как и "ядром" прочих государственных и общественных организаций) конституционно является КПСС. Значит, и УПК есть один из инструментов монопартократии.

В. Буковский цитирует один из трагических документов движения правозащитников:

"Мы обращаемся к мировой общественности и в первую очередь – к советской. Мы обращаемся ко всем, в ком жива совесть и достаточно смелости.

Требуйте публичного осуждения этого позорного процесса и наказания виновных.

Требуйте освобождения подсудимых из-под стражи.

Требуйте повторного разбирательства с соблюдением всех правовых норм и в присутствии международных наблюдателей.

Граждане нашей страны! Этот процесс – пятно на чести нашего государства и на совести каждого из нас. Вы сами избрали этот суд и этих судей – требуйте лишения их полномочий, которыми они злоупотребили. Сегодня в опасности не только судьба подсудимых – процесс над ними ничуть не лучше знаменитых процессов тридцатых годов, обернувшихся для нас всех таким позором и такой кровью, что мы от этого до сих пор не можем очнуться", – писали в своем обращении к мировой общественности Л. Богораз и П. Литвинов."[5]

Речь идет о процессе Гинзбурга, Галанскова, Лашковой и Добровольского (1968 г.).

Слова: "Этот процесс – пятно на чести нашего государства" – ошибка авторов обращения.

Этот процесс не пятно на чести партократического государства, а проявление его существа. Если, согласно статье 126-й главы 10-й действовавшей тогда конституции СССР, КПСС представляет "руководящее ядро всех организаций..., как общественных, так и государственных", то кому, как не ей, определять цензурную политику СССР и кары за ее нарушение? "Монополия легальности" (Ленин) – основа политики партии, а партийные решения *при такой конституции* имеют силу закона. Следует поэтому либо смириться с приоритетом КПСС во всех сферах жизни "нашего государства", либо перестать ссылаться на документ, беззастенчиво постулирующий необъятную и всепроникающую власть партократии над государством и обществом. Нельзя одновременно и признавать конституцию СССР, и восставать против партийных решений в столь важных вопросах.

Парадоксально переосмысливая советскую тоталитарную конституцию как документ, утверждающий демократию, правозащитники понимают, что на деле партократия с демократическим правом несовместима:

" – Но ОНИ же не могут обойтись без произвола, – возражали Алику. – Если они будут строго соблюдать законы, они просто перестанут быть коммунистическим государством.

– На самом деле я тоже так думаю, – заговорщицки шепотом соглашался Алик. И все смеялись.

– Чудак ты, Алик, – говорили ему. – Ну, кто же будет слушать тебя с твоими законами? Как сажали, так и будут сажать. Какая разница?

– Ну, если кто-то нарушает законы, ущемляет мои законные права, я как гражданин обязан протестовать. Мало ли какая банда преступников попирает законы – это не означает, что я перестаю быть гражданином. Я обязан бороться всеми законными средствами. Прежде всего – гласностью.

И опять все смеялись: Гласности захотел! Где ж ее взять, гласность? Газета "Правда" что ли поможет?"[6]

Здесь заключен тупик. И не столько практический (потому что в жизни люди сообразуются все-таки куда чаще со здравым смыслом, чем с отвлеченными принципами), сколько теоретический.

"Если они будут строго соблюдать законы", они *не* "перестанут быть коммунистическим государством". У них узаконено все необходимое, чтобы таковым оставаться.

Игнорируя эту особенность партократического законодательства, В. Буковский предлагает подданным партократии вести себя так, словно реальности тоталитарного мира не существует, и тем образовать иную реальность:

"Представьте, что вы попали в компанию бандитов и пытаетесь обращаться к ним, как к благовоспитанным, приличным людям. Идея

фактически состояла в том, чтобы не признавать реальности, а – подобно шизофреникам – жить в своем воображаемом мире, в том мире, который мы желали бы видеть. Казалось бы, сумасшедшая затея.

Но в том-то и вся штука с коммунистами, что признать реальность созданной ими жизни, усвоить их представления – значит самим стать бандитами, доносчиками, палачами или молчаливыми соучастниками. Власть – это всего лишь согласие подчиняться, и каждый, кто отказывается подчиниться произволу, уменьшает его на одну двухсотпятидесятимиллионную долю, а каждый компромисс – усиливает его.

И разве реальная советская жизнь – не воображаемый шизофренический мир, населенный выдуманными советскими людьми, строящими мифический коммунизм? Разве все и так не живут двойной, а то и тройной жизнью? Гениальность идеи состояла в том, что она уничтожала эту раздвоенность, напрочь разбивала все внутренние самооправдания, которые делают нас соучастниками преступления. Она предполагала кусочек свободы в каждом человеке, осознание своей "правосубъектности", как выражался Вольпин. Иными словами, личную ответственность. Это-то и есть внутреннее освобождение."[7]

Действительно, "осознание своей правосубъектности" бесправным (*конституционно* бесправным) советским человеком это есть и внутреннее освобождение, и *необходимейшее условие* освобождения внешнего. Но элемент *"право"* в этой "правосубъектности", заимствован из обихода *другой правовой системы* – демократической, альтернативной, а не тождественной конституционному советскому толкованию прав гражданина и объединений граждан.

Вот один из покоривших В. Буковского постулатов А. Есенина-Вольпина:

"... Гражданину нечего скрывать, не в чем оправдываться – он лишь соблюдает законы. И чем более открыто он это делает – тем лучше".[8]

А граждане и сейчас соблюдают законы открыто. Вот нарушать их приходится более или менее законспирированно. Себя, впрочем, можно уговорить и в обратном, но преобразовать посредством самовнушения окружающую гражданина реальность нельзя. Тем более, что большинство граждан склонно действовать законопослушно.

"Предположим, что такую точку зрения усвоит значительное число людей. Где тогда будет ЦК со своими идеологическими установками? Что будет делать КГБ со своей армией стукачей?[9]"

Поскольку соблюдать законы в сфере действия конституции СССР означает подчиняться диктату КПСС, то в случае обращения "значительного числа людей" к законопослушности "ЦК со своими идеологическими установками" пребудет на своем месте, а "КГБ со своей армией стукачей" будет охотиться, как и сегодня, за незначительным числом людей, которые соблюдать основные законы партократии так и не захотят. Или их не "усвоят", почему этих оригиналов и будут признавать ненормальными: большинство-то усвоило, а поведение большинства принято считать нормой...

Все зло оттого, что большинство практически (не душой, но делом) признает КПСС "руководящей и направляющей силой", определяющей "линию внутренней и внешней политики СССР", "ядром" всех существующих в СССР государственных и общественных институций. А героические правозащитники, сознают они это или не сознают, явочным порядком внедряют в советские обстоятельства инородную для последних демократическую систему права. В этом их великая историческая роль. И партократия их из-за этого ненавидит.

О праве на беззаконие

В. Буковскому представляется, "что отвечая беззаконием на беззаконие, никогда не обретешь законности.

... Так же, как, отвечая насилием на насилие, можно только увеличить насилие, а отвечая ложью на ложь – никогда не получишь истины."[10]

И он входит в тупик. Ни одно из абсолютизированных им обобщений не выдерживает проверки его же собственной жизнью.

Порок этого эффектного рассуждения – дважды повторенное автором "никогда". Социальные абсолютизации не бывают верными: они не исчерпывают частных и групповых (категорийных) сторон явлений и опираются только на их общую сторону.

Допустим, что мы хорошо прочитаем конституцию СССР и увидим, что партократия в СССР узаконена. Следует ли отказаться от борьбы с партократией на том основании, *что она себя узаконила?* Я твердо уверена, что В. Буковский не отказался бы от борьбы, даже решительно разочаровавшись в букве и духе конституции СССР. На дурной закон следует отвечать борьбой за его исправление или отмену. В демократических обстоятельствах такая борьба узаконена. С точки зрения партократии и ее конституций, борьба против партийной воли, воплощенной в дурном законе, противозаконна.

Следует ли отказываться от этого беззакония в борьбе с партократией?

Ощущать свои оппозиционные к партийной воле действия как законные подданный партократии может лишь в том случае, если он от-

вергает систему отсчета партократии и руководствуется правовыми нормами, партократии чуждыми. Такое правосознание за шестьдесят с лишним лет из сознания подсоветских людей почти вытравлено. Это правосознание надо формировать, формулировать, кропотливо внедрять в человеческое сознание, не удивляясь тому, что толпы людей не поддерживают сегодня невнятных для них акций правозащитников. Немыслимо формировать в сознании подданных партократии демократические правовые критерии и другие системы отсчета, неприемлемые для партократии, исключительно и только открыто: партократия этого не разрешит.

Конспирация, если подходить к вопросу максималистски, как подходит В. Буковский, есть один из синонимов притворства, лжи. То же – и неоткровенность со следователями или стукачами. Однако цивилизованная, а не партократическая законность в зоне господства КПСС не победит без применения *такого* "беззакония" и *такой лжи.*

Группа юношей, создавшая конспиративную организацию, в которую вошел и подросток Буковский, не знала, зачем она это сделала, и самораспустилась. Из этого вырастает в книге зрелого В. Буковского вывод о тщете всякой организации.

У меня другой личный опыт. Наша открытая группа сложилась в 1944 г. стихийно из нескольких друзей, стремившихся всерьез разобраться в том, что такое советский строй, как он соотносится с классическим марксизмом и заветами Ленина, в которые мы тогда верили.

В то время, полагая, что настоящее социалистическое право – хорошее право и что власть имущие его искажают, мы и свои криминальные доклады читали открыто, и следователям говорили о себе все. Мы пытались доказать им свою правоту. Но *с их точки зрения*, и конституционной, и самоохранительной, были правы они: мы, сами того не осознавая, чувствовали, мыслили и действовали в иной, несоветской, правовой системе. После освобождения я боролась против тоталитарного правосознания окружающих уже иначе, почему и смогла проработать не два-три года, а тридцать лет.

Конспирация противоестественна, если возможно конфликтное самосовершенствование общества и государства в правовых рамках последнего. И конспирация морально оправдана, если правопорядок данного государства, юридический или фактический, или и юридический и фактический, как это имеет место в СССР, исключает легальное рассмотрение и критику фундаментальных основ данного строя.

Нельзя подходить с одним и тем же ключом к разным замкам.

Конспиративность или открытость деятельности лица и группы сами по себе ни в коей мере не говорят о достойности или недостойности этой деятельности.

Открытая КПСС не лучше подпольной в некоторые времена РСДРП(б), а закрытая (по необходимости) редколлегия, например, "Хроники текущих событий" или "Памяти" неизмеримо благороднее открытой редколлегии "Правды"[11]

Все сказанное выше о тотальном отказе правозащитников от "беззакония" и лжи относимо также и к их безоговорочному отказу от силового сопротивления.

Мысль о том, что насилие может "только увеличить насилие", – тоже выход в безвыходность, как любая житейская или политическая абсолютизация. Вряд ли стоит внушать разумным, живым, доброкачественным в массе своей элементам злокачественной (параноидальной, по словам В. Буковского) структуры постулат категорического отказа от силовой самозащиты. На вопрос о применении или неприменении силы в борьбе против насилия однозначно ответить нельзя. Решение диктуется обстоятельствами.

Сегодня, я думаю, среди правозащитников нет человека, который осуждал бы афганцев за сопротивление оккупантам или осудил бы в подобном случае Польшу. Почему же для подданных диктатуры наперед исключается для любых обстоятельств такая возможность?

В. Буковский пишет:

" Близорукая политика бесконечных уступок и компромиссов создала это чудовищное государство, вскормила его и вооружила. Затем, не придумав ничего лучшего, вскормила и вооружила Гитлера и поставила все человечество перед необходимостью воевать за то, какого цвета будут в мире концлагеря – красные или коричневые. Выбирайте теперь – рабство или смерть. Другого выхода ваши теоретики вам не оставили.

Нет, ни атомные бомбы, ни кровавые диктатуры, ни теории "сдерживания" или "конвергенции" не спасут демократии. Нам, родившимся и выросшим в атмосфере террора, известно только одно средство – позиция гражданина"[12]

И ниже:

"Есть качественная разница в поведении одного человека и человеческой толпы в крайней ситуации. Народ, нация, класс, партия или просто толпа – в экстремальной ситуации не могут пойти дальше определенной черты: инстинкт самосохранения оказывается сильнее. Они могут пожертвовать частью, надеясь спасти остальное, могут распасться на группки и так искать спасения. Это-то их и губит...

... Быть одному – огромная ответственность. Прижатый к стенке, человек осознает: "Я – народ, я – нация, я – партия, я – класс, и ничего другого нет". Он не может пожертвовать своей частью, не может разделиться, распасться и все-таки жить. Отступать ему больше некуда, и инстинкт самосохранения толкает его на крайность – он предпочитает физическую смерть духовной."[13]

Как же так: с одной стороны, "близорукая политика бесконечных уступок и компромиссов" создала партократию; с другой – ни военная самозащита, ни сильная власть,[14] ни политика сдерживания (конвергенция в этом ряду вроде бы ни к чему; ее бы следовало отнести к уступкам и компромиссам) "не спасут демократии". Только позиция гражданина. Но что есть позиция гражданина в условиях демократии, осаждаемой партократией? Какую линию поведения она диктует? Может быть, все-таки политику сдерживания и неотступления с рубежей еще не тоталитарного мира? А может быть, кое-где и наступление?

А позиция гражданина в партократическом обществе – какую линию поведения диктует она? Известны ситуации, когда "народ, нация, класс, партия или просто толпа" идут "дальше определенной (?) черты". Инстинкт социального самосохранения, подкрепленный определенным миропониманием или мироощущением, может оказаться сильнее страха и заставить сражаться. Побеждают и смертию смерть поправ. Навсегда ли такая альтернатива – смерть физическая или смерть духовная? А борьба и победа исключаются априори на все времена?

Почему настойчиво, в разных местах повествования, возникает еще одна жесткая альтернатива: "воевать за то, какого цвета будут в мире концлагеря – красные или коричневые"? Или и того хуже – "рабство или смерть"? Разве военное сопротивление Гитлеру привело к концлагерям в Англии, Франции, США, Скандинавии и т.д.? Не привело ни в одной из стран, в которой не оказались после войны у власти коммунисты. Нагляднейшие тому примеры – Западная Германия и ГДР, Западная Европа и Европа Восточная.

Весьма знаменателен и такой разговор между В. Буковским и А. Есениным-Вольпиным:

" – Ну, а что ты будешь делать, Алик, если завтра они изменят законы так, что не останется возможности их толковать по-твоему? – спросил я Алика.

– Тогда я, видимо, перестану быть гражданином этой страны.

Это было уже совсем непонятно простым смертным. Что ж, через границу бежать? Алик же пускался в длинные рассуждения о праве гражданина на выезд из своей страны и, конечно, на въезд в нее, ссылаясь при этом на какую-то Декларацию прав человека. Все только плечами пожимали: "Эк загнул!" Интересно, сколько из них, пожимавших тогда плечами, через семь-десять лет оказались в Вене, Риме, Тель-Авиве, Нью-Йорке? И только Вольпин, верный себе до конца, из окна вагона, уходящего на Вену, произнес речь о борьбе за свободу въезда..."[15]

Ну, что ж, я тоже пишу эти строки в Иерусалиме. Но *там* осталось 260 миллионов граждан, *которые не уедут*. А те, кто волен их выпускать или не выпускать, не стоят на месте: они надвигаются на остальную часть мира. И если отказаться и здесь, в этом мире, даже от "политики сдерживания", то куда же "пожимающие плечами" будут тогда эвакуироваться? Им останется только выстроиться в ряды, каждому у своей стенки, и предпочесть смерть физическую смерти духовной. Или пойти под иго, впрячься в ярмо уже всей планетой. *Или сопротивляться.* Ведь геноцид в Камбодже, почти истребленный народ Мео и тонущие в океане вьетнамские беженцы – жертвы и результат отступления и компромисса, а отнюдь не политики "сдерживания" или превентивного наступления! Это результаты "бесконечных уступок и компромиссов". Как же все-таки быть?

Я говорю, разумеется, о *принципе* сопротивления или сдачи, а не о конкретных политических или военных операциях, о которых здесь рассуждать неуместно.

В практической жизни, вне большой политики В. Буковский от самозащитного насилия не отказывается. Он вспоминает, как донесли на него в лагере двое блатных и тем чуть было его не погубили:

"Чего только они не врали! Будто я приходил в их барак, и они слышали, как я объяснял весь план бунта каким-то людям, теперь уже находившимся в тюрьме, под следствием по этому делу. Получалось у них, что я самый главный идейный вдохновитель и организатор заговора. И как я ни доказывал, что никогда не был в том самом бараке, не знал тех людей, да и этих двоих впервые вижу, – ничего не помогло. Их двое – я один. А двух свидетелей больше чем достаточно, чтобы упечь человека под расстрел. Ну, в крайнем случае, на 15 лет особого режима.

Вышел я от следователя как убитый. Все, крышка. Ясно было, что это работа КГБ. Не могли в Москве расправиться – здесь добить решили. Пятнадцать лет – вся жизнь к черту, ни за что, ни про что.

По дороге в барак опять встретил блатных.

– Ну, что? Следователь?

Я рассказал все как было. Объяснил свою догадку насчет КГБ.

– Постой, а какие эти двое? А, из шестого барака...

– Да ты не горюй, что-нибудь придумаем.

Что они могут придумать? Будто обухом по голове была для меня вся эта история. В каком-то полузабытьи пошел я в барак и лег на нары. Гул голосов, шарканье ног по полу – все словно сквозь туман. Что я им сделал, этим подонкам? Никогда не видал даже. Это было последнее, что мелькнуло в голове, и я провалился куда-то, как в погреб.

Проснулся только утром, с головной болью, будто с похмелья. Машинально оделся, пошел на поверку, в столовую, на работу – ничего кругом не вижу, как в сумерках. Только в голове словно сверчок свиристит.

К вечеру, возвращаясь с работы, опять повстречал вчерашних ребят, что расспрашивали меня после следователя.

– А, привет! Чего невеселый? Видал, как твои свидетели с утра на вахту ломанулись – отказываться от показаний? Как лоси!

Оказалось, ночью поймали их блатные где-то на производстве, в ночную смену. Что уж с ними делали, не знаю. Что можно сделать с человеком, чтобы он чуть свет побежал сломя голову отказываться ото всех своих показаний?

Так эта история и кончилась для меня ничем. Пронесло стороной. Через полгода был суд в зоне. Осудили каких-то четверых ребят: одного – к 14 годам, двоих – к 12, четвертого – к 10 особого.

А года через полтора, когда один из моих лжесвидетелей уже освободился, пришло известие, что его убили. Так часто бывало: освободится какой-нибудь шибко "исправившийся", и через некоторое время приезжает вдруг следователь узнавать, с кем он враждовал да кто ему мстить собирался. Что ж тут узнаешь, если он пол-лагеря продал? Обычно на вечерней поверке объявляли: кто знал такого-то, завтра с утра зайти в оперчасть. Чаще всего дорогой из лагеря и убивали – сбрасывали под поезд или резали. А если здорово насолил кому, то и дома находили.

Второй должен был освободиться со мной в один день. Надо же быть такому совпадению. И чем ближе к этой дате, тем тоскливее он на меня поглядывал издали. Не ждал он свободы, не радовался ее приближению. Ладно, не гляди, не трону. Хватит с тебя и этих переживаний".[16]

Поди разбери тут, увеличилась ли в мире сумма насилия или уменьшилась из-за того, что одного негодяя избили, второго убили и сделали это не вдаваясь в их биографии, может быть, искореженные тем же насилием. Зато Владимир Буковский, достойный, сильный и честный человек, был спасен. И его реакция на свое спасение вполне естественна.

Он, впрочем, и не сам себя защитил, – это сделали за него другие. Но и особого возмущения их поступком в его рассказе не ощущается.

Но как только вопрос о силовом сопротивлении насилию переносится в социальную плоскость, возникает замкнутый круг, из которого невозможно вырваться ни с помощью чувства, ни с помощью логики:

"Это ведь всегда так заманчиво, так просто и оправданно: разве не справедливо отплатить злодеям той же монетой? Ответить на красный террор – белым террором, а на белый – красным. Смотрите, они пытают нас, это звери, а не люди! Почему же нельзя пытать их? Глядите, они открыто воруют у нас – чего же мы ждем? Безнаказанность только поощряет их, развязывает им руки. И раз государство – все равно насилие, то почему ж не насиловать ради справедливости, ради их же спасения?

Что ж, может быть, для них, уходивших с аккуратными сверточками к Летнему саду, это казалось бесспорным. Я же родился в год, когда все человечество, желая того или нет, истребляло себе подобных ради того, какие будут на земле концлагеря – красные или коричневые. Не было у них иного выбора. Похоже было, что выход так до сих пор и не найден – как раз в это время американцы начали бомбить Северный Вьетнам.

Ясно мне было одно – освобождение не приходит к человеку извне. Оно должно прийти изнутри, и пока большинство из нас не освободилось от подпольной психологии, от жажды справедливости, по-прежнему будут сидеть по кухням наши потомки и спорить: когда же все это началось? – Точно муравьи на дне кружки."[17]

Здесь что ни слово – то ошибочное обобщение, или смещенное истолкование, или искусственная альтернатива.

Смещение первое: вечный спор между безоговорочными сторонниками ненасилия и людьми, допускающими силовую самозащиту, идет не об отмщении, не о праве вести себя так же, как ведут себя насильники; спор идет лишь о том, как, что и когда в принципе допустимо и целесообразно противопоставить насилию.

Если поработители действуют в сфере грубо физической и одновременно запрещают порабощенным даже обсуждать вслух свое положение и если при этом у порабощенных появляется некая гипотетическая возможность вырваться из-под ига силой, то как им быть? Использовать ли такую возможность? То же относится и к обществам, на которые надвигается порабощение. В принципе – можно ли им защищаться силой или нельзя?

Смещение второе: "... освобождение не приходит к человеку извне. Оно должно прийти изнутри..."

Тривиальнейшим образом замечу, что к самому В. Буковскому, внутренне давно свободному, но уже готовившемуся умереть в тюрьме, освобождение пришло *извне* (в самом

буквальном смысле этого слова). К Западной Германии в 1945 году оно тоже пришло извне. Русские крестьяне в 1861 году получили свободу извне своего сословия. И если речь идет не о метафизических категориях абсолютной, полной, чисто духовной и т.п. свободы, то примеров установления более мягких, более выносимых, более приемлемых, удовлетворительных обстоятельств личного и общественного существования посредством действий извне в мире бесчисленное множество. Как расценивать акцию Израиля по освобождению заложников в Уганде (операцию Энтеббе)? Надо было предоставить заложникам освобождаться из лап Иди Амина посредством собственного и его внутреннего раскрепощения? Или физически вырвать пленников из них?

Мне возразят, что я путаю абсолюты с бытовыми и политическими ситуациями. Но нам ведь и предлагают абсолютные решения для земных историко-политических обстоятельств. И кроме того, абсолюты должны охватывать все, в том числе и быт!..

Смещение третье: "красный террор" и "белый террор", бомбы террористов, "уходивших с аккуратными сверточками к Летнему саду", и бомбы американцев во Вьетнаме отождествлены и уравнены друг с другом.

"Белый террор" был ре-акцией на "красный террор" и сослужил плохую службу движению, которое могло стать для России спасительным. Но, к несчастью, не стало. "Красный террор" против российского общества так же, как и "аккуратные сверточки" террористов-народников в России XIX века, был *чудовищно не нужен*. Все свои проблемы, поддающиеся человеческому решению (правовые, экономические, национальные и пр.) Россия 1860-х–1910-х гг. могла решать и постепенно решала – в борьбе, с переменным успехом, с эксцессами и рецидивами, но решала – *эволюционно*. Проблемы носили фундаментальный, имеющий мощные корни характер; и "аккуратные сверточки" не ускоряли их разрешения нисколько. А "красный террор" сделал эти решения и вовсе немыслимыми. Мне скажут, что теперь, мол, легко судить. В ответ я предложу обратиться к журналам, письмам и мемуарам того времени, и мы увидим, что и тогда существовали разные точки зрения на вопрос, открыто о себе заявлявшие. Было предсказано все, что произошло позднее. Вопрос о насилии и ненасилии нельзя разрешить однозначно, на все времена и ситуации.

Бомбами во Вьетнаме американцы пытались остановить на одном из (еще!) далеких от Америки рубежей нашествие тоталитаризма на окружающий мир. Тогдашнее правительство США капитулировало перед жизнелюбием и близорукостью управляющих этим правительством американских граждан и оставило Вьетнам. Фронт насилия многократно расширился и приблизился к США. Теперь, когда пишутся эти строки, он уже в Сальвадоре – на американском континенте. Кроме того, из-за этой капитуляции (отказа от насилия!) многократно – до геноцида – возрос уровень насилия в Юго-Восточной Азии.

Нужны ли программы

В. Буковский рассказывает:

"Мы не играли в политику, не сочиняли программ "освобождения народа", не создавали союзов "меча и орала". Нашим единственным оружием была гласность. Не пропаганда, а *гласность*, чтобы никто не мог сказать потом – "я не знал". Остальное – дело совести каждого. И победы мы не ждали – не могло быть ни малейшей надежды на победу. Но каждый хотел иметь право сказать своим потомкам: "Я сделал все, что мог. Я был гражданином, добивался законности и никогда не шел против своей совести". Шла не политическая борьба, а борьба *живого* против *мертвого, естественного с искусственным*".[18]

А еще через сорок страниц следуют выводы еще более категорические:

"В том-то и вся штука, что, пока люди не научатся требовать то, что им принадлежит по праву, никакая революция их не освободит. А когда научатся – революции уже не потребуется. Нет, не верю я в революции, не верю в насильственное спасение.

Легко представить себе, что произошло бы в этой стране в случае революции: всеобщее воровство, разруха, резня и в каждом районе – своя банда, свой "пахан". А пассивное, терроризируемое большинство охотно подчинилось бы любой твердой власти, т.е. новой диктатуре".[19]

В первом из этих отрывков представлена четкая политическая программа: только информировать в меру своих личных сил общественность о том, что делает власть, без привнесения каких бы то ни было своих оценок. Исполнять этот свой долг без тени надежды на победу. Победа, по-видимому, должна состоять в том, чтобы граждане явочным порядком заставили партократию следовать тому, что оппозиционеры считают советской законностью.

Отбросим на мгновение спор о характере законности, воплощенной в конституциях СССР. Для того, чтобы люди – какое-то политически существенное число людей – научились "требовать то, что им принадлежит по праву", надлежит произвести *революцию в их умах*, вытеснив из последних прочно и массово ими усвоенное партократическое правосознание – правосознанием демократическим. А это огромная, кропотливая пропагандистско-воспитательная работа, которую партократия

без изощренной конспирации вести не даст. Я не знаю, неизбежен ли зверский лик *любой* революции. В Чехословакии времен Пражской весны и в нынешней Польше звериные черты в ее обликах не проступили. В СССР вопрос о характере революции пока что не актуален, ибо Кремлю всенародное восстание ни сегодня, ни завтра не угрожает. Но я хорошо себе представляю реакцию, которой ответит ЦК-ГБ на попытку значительного числа людей потребовать "то, что им принадлежит по праву", признанному в цивилизованных обществах.

В приведенном выше отрывке идет речь о гласности – пусть не о пропаганде, но хотя бы о гласности. Зато в другом месте книги сказано:

"Ну а наручники – их криком не снимешь, как нельзя достигнуть свободы насилием. Сколько ни дергайся в наручниках, они только еще больше затянутся.

Да разве они, эти трусливые чиновники, надевают нам наручники? Мы просто не научились еще без них жить. Не понимаем, что никаких наручников давно уже не существует".

Странно, однако, едва пересекши границу "большой зоны", мы в большинстве своем как-то автоматически научаемся жить без наручников. Здесь, где наручники появляются только на тех, кто действительно угрожает безопасности общества (и то не на всех и не всегда), они нам на наших руках не грезятся. Разве что при воспоминании о вчерашнем дне. Или при мысли о неисключенном завтрашнем дне народов, ныне наручниками не обремененных, но реализующих доступную им свободу выбора так, что в большинстве своем они вот-вот могут выбрать рабство. Как Германия 1933 года...

Действительно, человеку в наручниках – чего уж дергаться? Чтобы потуже затянулись наручники? Чтобы дали еще и по шее? И крика его никто, кроме насильников, не услышит. Всунут вдобавок кляп в рот – и вопрос решен. И незачем ему размышлять о сопротивлении силой, ибо он автоматически избавляется от этой проблемы: руки скованы, рот заткнут. Ему необходима иная тактика. Надо прежде всего добиться, чтобы сняли наручники, вынули кляп изо рта (не символические кляп и наручники, а реальные) и выпустили если не в лагерь, то хотя бы в камеру.

Когда же принимаешь это рассуждение В. Буковского за метафорическое обобщение, то странная получается метафора:

• "Их криком не снимешь" – это может означать лишь одно: молчи, откажись от упований на гласность, от надежды оказаться услышанным вне камеры. Но ведь это полностью противоречит тому, что сделали, и с великим успехом, В. Буковский, Э. Кузнецов и другие, сумевшие с помощью изощренной конспирации так крикнуть из своих зон, что весь мир услышал! И ведь кое с кого после этого наручники были сняты...

"Никаких наручников давно уже не существует", – это казалось бы одной из ныне распространенных вариаций на тему об исключительно внутреннем и потустороннем раскрепощении, если бы не переполняющие книгу рассуждения о все той же конституционной советской законности, якобы утверждающей демократические права народа и гражданина.

Посмотрите же, что получается при обобщении не фактических перипетий героического и весьма активного противостояния В. Буковского произволу ЦК-ГБ, а его деклараций, рассыпанных в книге: ни организации, ни конспирации, ни программы, ни пропаганды (в приведенном выше отрывке отменен даже крик), ни политики сдерживания, ни сопротивления (там, где оно еще мыслимо)! Что же остается? Только бесстрастная гласность (фактографическая информация о деяниях власти, обращенная к ее рабам и к свободному миру)? Но как осуществить это без конспирации? И внутренняя свобода, позволяющая стоять на смерть перед лицом безжалостного насилия. И еще надежда на чудо всеобщего обращения к истине ("...пока люди не научатся требовать... если *никто* не сможет сказать: "Я не знал...").

Так набожные евреи убеждены и свидетельствуют, что в час, когда все без исключения евреи Земли соблюдут субботу, придет Мессия...

Тот же принцип ("если бы все...") лежит и в основе утопии "научного коммунизма":

"С того момента, когда все члены общества или хотя бы громадное большинство их *сами* научились управлять государством, сами взяли это дело в свои руки, "наладили" *контроль* за ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки, за рабочими, глубоко развращенными капитализмом, – с этого момента начинает исчезать надобность во всяком управлении вообще".[20]

Но никогда все мы без исключения "или хотя бы громадное большинство" из нас не станем поступать одинаково. И потому не снимается с повестки дня объединение родственно мыслящих людей и групп, пропаганда, а где они есть, – защита таких обстоятельств, при которых нормальные граждане (не бандиты и не тираны) могут хотя бы "говорить и спорить", работать и торговать, оседать на земле и кочевать по ней, отстаивать свои идеалы по своему разумению без смертельного риска, ибо в своем большинстве люди не склонны идти на явно смертельный риск без крайней нужды в том. Одна только бесстрастная информация о событиях не обеспечит такого шага. Должно быть воспитано отчетливое понимание того, к чему ведет геополитика партокра-

тии, к чему идет порабощенное ею общество. А это уже не что иное, как пропаганда, ибо любое воспитание есть пропаганда какого-то мироощущения и миропонимания.

Еще раз о конспирации

В. Буковский рассказывает о своих взаимоотношениях с надзирающей за диссидентами в "большой зоне" советской охранкой почти идиллически:

"По сути дела, мы все так к ним привыкли, что не обращали внимания на их присутствие. Делали свои дела, встречались с иностранными корреспондентами, собирали информацию для "Хроники", отправляли за границу самиздат почти у них на глазах. А что там было скрывать? О новых арестах, обысках и судах я сообщал корреспондентам по телефону, прямо из дому. Да и мне звонили, как в справочное бюро".[21]

Ничего я, честно признаться, в этом и следующих отрывках не понимаю. *За что же вас арестовывали и судили, за чем следили, ежели и впрямь нечего было скрывать???* Для чего кагебисты дежурили у дома Буковского? Ведь сегодня тотального, цепного, уже почти неуправляемого "большого террора" в СССР нет: берут только людей, в чем-то как-то действительно опасных власти!..

А следили плотно: "... зимой, в сильные морозы, когда я выбегал за хлебом в булочную на углу, кто-нибудь из чекистов занимал мне очередь в кассу, другой вставал к прилавку, чтобы быстрее с этим разделаться и опять вернуться в теплую машину. Иногда... мы стреляли друг у друга закурить"[22]

И ходили следом, и знали все связанные с поднадзорными адреса:

" – Ну, ты скоро домой-то?

– Сейчас, погодите. Еще в два-три места заскочить надо.

Часам к двум ночи управлюсь."[23]

Если нечего было скрывать, если на бытии поднадзорных не отражался надзор, зачем была затеяна вся эта комедия масок?

Но... не спешите: "Конечно, отправка за границу – дело более секретное[24], не терпит посторонних глаз. Для этого были свои каналы, которые, сколько ни наблюдай, не уловишь. Момент максимального риска сравнительно короткий, а пока КГБ сообразит, в чем дело, пока отдает приказ, пока этот приказ выполняет – уже и следа не осталось".

Значит, все-таки соблюдалась конспирация? И была нужна? Тонкая, ловкая, неуловимая?

Нет, не нужна: "Да и не ожидал КГБ такой наглости, чтобы у них под самым носом передавались за границу самиздатские бумаги. Они по старинке искали каких-то явочных квартир, паролей, тайников – мы же делали все открыто".

Опять – "открыто"? А как же "дело более секретное", которое "не терпит посторонних глаз", "свои каналы, которые, сколько ни наблюдай, не уловишь", сокращение "момента максимального риска" настолько, чтобы через миг от него "уже и следа не осталось"?[25]

То, о чем говорит здесь В. Буковский, – отнюдь не "открытость", а имитация открытости – маскировка наиболее важных и скрытных действий посредством открытости действий, с точки зрения следящих, некриминальных или второстепенных.

Но что, если зеленая молодежь и люди, только-только входящие в сопротивление, поверят этому кокетству мнимой открытостью и эффектным декларациям о нравственной несовместимости по-настоящему свободных духом людей с конспиративными уловками?

Солдаты идут в атаку в хаки, перебежками или по-пластунски, а не шагают навстречу вражескому огню строем, в парадной пестрой форме и во весь рост. Психическая атака – исключение, а не правило. Время массового штурма все-таки еще не пришло. Да и открытым действиям местного значения типа забастовок, коллективных протестов и демонстраций должна предшествовать основательная конспиративная подготовка. Иначе так и будут участвовать в этих акциях несколько человек, заведомо отдающих себя на расправу насильникам. Необходимо беречь и себя, и друг друга, и дело, если имеется дело. А у Буковского – имелось дело, и он его мастерски делал – пользуясь конспирацией, достаточно далекой от примитива.

Вместо выводов

За время, когда писалась эта статья, мне довелось лишний раз убедиться в том, как сложно писать о взглядах активно воспринимающего мир и события своего современника. В. Буковский решительно выступил против односторонних европейских пацифистских движений, объективно полезных только Кремлю. Он отчетливо высказался в поддержку афганского сопротивления советской агрессии, предприняв ряд действий в его поддержку. Эти его выступления – еще одно убедительное свидетельство того, что абсолютизация отказа от силового сопротивления в нынешних конкретных исторических обстоятельствах неприемлема для того, кто не хочет распространения коммунизма на всю планету. Неприятие одностороннего пацифизма и одностороннего разоружения не может не означать готовности защищаться от агрессии, если придется, и силой. По-видимому, В. Буковский

признает в определенных случаях допустимой такую форму "политики сдерживания".

Думая уже много лет над тем, как бороться за сносную правовую ситуацию в неправовых условиях, точнее – в условиях конституционно легализованного бесправия, приходишь к определению тактики сопротивления как тактики полифонической. Защита права, как представленного пренебрегаемыми властью ее собственными законами, так и права демократического, вводимого, как это делают правозащитники, явочным порядком; формы организации, наиболее рациональные для тоталитарных условий (какие – это надлежит решать на местах) ; конспирация, позволяющая тщательно, упорно, долго и широко, с минимальными потерями готовить массовые выступления и воспитывать цивилизованное правосознание; пропаганда, а не только бесстрастная информация. *Но пропаганда чего?* Только ли требования политических прав и гражданских свобод? И что должно входить в кворум гражданских свобод, защищаемых этой конспиративной, но массовой пропагандой? Интеллигенция всегда преувеличивает значение гражданских свобод для народных масс. В феврале 1917 года Временное правительство в первом своем обращении к народу даровало ему все вымечтанные интеллигенцией за двести лет свободы, но ничего не сказало четкого и вразумительного о насущных нуждах народа: хлебе, земле и мире. На этом упущении Временного правительства да еще на его безволии въехали в мировую историю большевики.

Весной 1981 года польские диссиденты-интеллектуалы рассказывали в своих интервью "Посеву", что они с 1968 года упорно работали над перенесением центра сопротивления диктатуре ПОРП и КПСС в заводские и портовые районы. На одних только лозунгах защиты гражданских свобод такое расширение фронта борьбы построить нельзя было бы.

Польский поворот событий оказался возможным не только потому, что вся толща народа возжаждала неподдельных гражданских свобод, а и потому, что экономическая сторона жизни стала непереносимой. Да еще советская оккупация сплачивает большинство населения воедино против оккупантов.

В СССР, несомненно, есть лица и группы, обладающие цивилизованным сознанием своей правосубъективности, трактуемой ими демократически, а не партократически. Еще больше людей готовы к тому, чтобы понять и принять расширенное демократически толкование своих гражданских, национальных и личных прав. Но для того, чтобы эта готовность из мировоззренческой потенции превратилась в поведенческий принцип, нужна широкая, во всех слоях общества, кропотливая, длительная воспитательно-пропагандистская работа, связанная не только с борьбой за гражданские права, но и со злободневной экономической проблематикой.

И здесь возникает перед всеми наличными в СССР и в эмиграции оппозиционными и антикоммунистическими течениями один вопрос, важный, по-видимому, для всех: вопрос об альтернативах нынешним партократическим обстоятельствам, в том числе об альтернативах экономических.

Альтернативы современным советским общеизвестным обстоятельствам разрабатывались и разрабатываются А. Сахаровым, А. Солженицыным, А. Федосеевым, Д. Паниным, НТС и другими авторами и организациями. Но как правило эти разработки не содержат прямых ответов на вопрос о том, что конкретно надо сегодня предлагать сельским жителям, рабочим и служащим СССР в качестве *первых конкретных требований,* долженствующих быть предъявляемыми правительству. Несколько более определенными являются требования национальных и религиозных оппозиционных движений, и они имеют больше сподвижников, чем течения политико-правозащитные. А вот оппозиционных движений и требований экономических, связанных не только с потребительскими претензиями, но и с экономическим реформированием советского строя в СССР , вообще не слышно. Экономическая проблематика представлена в неподцензурной художественной русской литературе – в первую очередь, романами В. Гроссмана "Все течет и Ю. Алешковского "Рука". Интересен в этом смысле роман Н. Гутиной "Двойное дно", вышедший в Израиле и не отмеченный эмигрантской критикой.

Романы В. Гроссмана и Ю. Алешковского органически связывают все происходящее в СССР с уничтожением партократией всех суверенных экономических сил – прежде всего крестьянства. Свобода труда оказывается в этих двух трагических книгах не менее существенным принципом общественной жизни, чем свобода слова. Более слабая в художественном отношении книга Н. Гутиной необычайно (для всех трех потоков современной русской литературы: Госиздата, Самиздата и Тамиздата) информативна в изображении того, как уродливо и мучительно функционирует в СССР неуничтожимая свободная экономическая инициатива. Те же процессы исследованы в публицистике Л. Тимофеевым в большой работе "Технология черного рынка" (журналы "Русское возрождение" №№ 11–12–13–14, 1980–1981; Нью-Йорк, Москва, Париж; "Грани" № 120).

Публицистика, в том числе и подцензурная советская, вообще дает богатейший материал по "второй экономике". Может быть, в этих

статьях и книгах вызревает прагматическая программа, с которой можно (исподволь и, конечно же, на первых порах конспиративно) обратиться к совхозно-колхозным и заводским рабочим СССР? Может быть, не только от правительства следует требовать раскрепощения кооперативной и частной инициативы, но и в народе поддерживать эту мысль, ведя ее от приусадебного участка, от кражи в колхозе или на заводе, от "шабашки" и "левых" работ – к свободной артели, к независимому кооперативу, к вольному хутору, к своему предприятию?

Правозащитное движение во множестве своих документов решительно отказывается от посягательства на советский режим и экономический строй, от разработки программы сопротивления, от политической пропаганды и от конспиративности. Это – черты движения, с которыми оно и войдет в историю сопротивления подневольного общества СССР партократической власти. Но современные обстоятельства настойчиво требуют разработки программы сопротивления, включения в эту программу животрепещущей экономической проблематики, близкой людям практического миропонимания.

Если мировым событиям суждено развиваться без атомной войны, априори перечеркивающей все человеческие надежды; если при этом не опустили бы рук все те, кто уже ощутил безвыходность партократических тупиков; если бы объединились умственные и практические усилия этих людей и групп, то не исключенным оказался бы разворот событий, предсказанный несколькими авторами, например, А. П. Федосеевым: народы СССР могут оказаться выходящими из тупика, в который свободный и "третий" миры только еще усиленно и воодушевленно рвутся. Вероятность осуществления всех этих "если бы" чрезвычайно мала. Какой из этого делать вывод: опустить руки или удесятерить усилия – дело не столько мировоззрения, сколько мироощущения каждого из нас.

[1] Станислав Лем. Избранное. Изд. "Литература артистикэ", Кишинев, 1978. До этого публиковался в ж-ле "Звезда", Москва, в 1960-х гг.

[2] Изд. "Хроника". Нью-Йорк, 1978.

[3] В. Буковский. "И возвращается ветер", стр. 212–213.

[4] А в уставе КПСС и в резолюциях партийных съездов хорошо обеспечена абсолютно централистская структура партии и невозможность легального посягательства на эту структуру изнутри партии.

[5] В. Буковский. "И возвращается ветер", стр. 172.

[6] Там же, стр. 213–214; Алик – А.Есенин-Волпин (прим. Д.Ш.).

[7] Там же, стр. 214.

[8] Там же, стр. 215. Я позволю себе некоторую перестановку суждений, не изменяя их общего и частного смысла.

[9] Там же, стр. 215.

[10] Там же, стр. 214.

[11] Я не берусь обсуждать конкретные методы конспирации и организации для оппозиционных движений в СССР. Думаю,что уже стал наиболее распространенным путь, который Д. Панин назвал "опорой на микробратства, образованные в ходе жизни под террором естественным путем из людей, которые полностью доверяют друг другу. Постепенное объединение микробратства через мостики, которые они перебрасывают между собой". ("Континент" № 25, стр. 338, курсив Д. Панина).

[12] В. Буковский. "И возвращается ветер", стр. 223.

[13] Там же, стр. 224.

[14] Говоря о "кровавых диктатурах", следовало бы уточнить, что автор имеет в виду. Ведь ныне принято стричь под одну гребенку и Фиделя Кастро, и генерала Пиночета; а диктатуры-то разные, с разными тенденциями, задачами, эволюцией, внутренней и внешней политикой, правовым положением граждан и экономической структурой.

[15] В. Буковский. "И возвращается ветер", стр. 215.

[16] Там же, стр. 294–295.

[17] Там же, стр.

[18] Там же, стр. 248–249.

[19] Там же, стр. 289.

[20] В. Ленин. "Государство и революция". Подч. Д.Ш.

[21] В. Буковский. "И возвращается ветер", стр. 327.

[22] Там же, стр. 327.

[23] Там же, стр. 327.

[24] Чем что? Чем чтение Бердяева? Разумеется. Д.Ш.

[25] В. Буковский. "И возвращается ветер", стр. 327.

Джон РЕЙЛИ
Юрий ФЕЛЬШТИНСКИЙ

СССР – США. ТОРГОВЛЯ И ПОЛИТИКА

Эта статья была написана до 13 декабря 1981 г. После введения военного положения в Польше статья приобрела, можно сказать, жуткую актуальность. На наших глазах совершается то, что в этой статье предсказывается: хозяйство Западной Европы уже так сильно связано с коммунистическими странами, что страны Свободной Европы не решаются энергично реагировать на польские события, и трещина между Западной Европой и Соединенными Штатами расширяется.

Редакция

4 января 1980 г. президент Картер провозгласил программу экономического удара по СССР в ответ на оккупацию Афганистана. И хотя эта программа указывала принципиально правильное направление американской политики в отношении Советского Союза: "ноу бизнес аз южуал", – как и все в правлении президента Картера, она была нерешительна и половинчата. Экономические санкции против СССР вводились частично. Но даже этого оказалось достаточно, чтобы советские лидеры, привыкшие к мягкотелости Запада, почувствовали реальное сопротивление. Рассчитывавшее лишь на словесные протесты, в частности из-за захвата заложников в Иране и предстоящей предвыборной кампании в США, советское правительство было застигнуто врасплох.

Когда в конце декабря 1979 – начале января 1980 г. в СССР просочились сведения о готовящемся эмбарго в ответ на оккупацию Афганистана, Советский Союз начал усиленными темпами закупать сельскохозяйственные и промышленные товары в США. Но и угроза эмбарго не остановила Кремль, привыкший к тому, что заинтересованные группировки внутри США отстаивают свои денежные интересы подчас со много большим упорством и успехом, чем правительство СССР. Надежды Москвы на "волну протеста американской общественности" оправдались, но и просчета было сделано два: сопротивление оккупантам внутри Афганистана оказалось серьезнее того, на что рассчитывали Советы; а в администрации президента Картера нашлись люди, отстоявшие эмбарго до конца года, когда стали известны перспективы на плохой урожай зерна в Советском Союзе. Обострение советско-американских отношений, приведшее к спаду в торговле между двумя странами, вызвало интенсивные дебаты в самих США, в частности – в американском Конгрессе, по принципиальным вопросам экономической политики Соединенных Штатов в отношении СССР. Во время этих дебатов сторонники расширения экономических связей с Советским Союзом использовали следующие аргументы в доказательство выгодности для американской стороны торговли с СССР.

Торговля с СССР улучшает торговый баланс США. Действительно, так как Соединенные Штаты экспортируют в СССР больше, чем импортируют из него, торговый баланс этих стран – в пользу США, в то время как общий торговый баланс Соединенных Штатов – отрицательный. Здесь, однако, необходимо отметить, что Соединенные Штаты имеют отрицательный торговый баланс прежде всего из-за огромных закупок нефти за границей. На импортируемую нефть уходит примерно 5% общевалового дохода США, что лишь немного меньше, чем были расходы на Вьетнамскую войну. В то же время торговый баланс с СССР является положительным лишь номинально. Фактически, поскольку Советский Союз не имеет достаточного количества свободно конвертируемой валюты, советские платежи США являются незначительными в сравнении с дефицитом торгового баланса. Например, в 1977 г. дефицит торгового баланса Соединенных Штатов был равен 36,5 млрд. долларов, а положительное сальдо в торговле с СССР – 1,2 млрд. долларов. В дополнение к этому советские платежи США часто осуществляются за счет американских кредитов. И тогда улучшение торгового баланса США путем расширения торговли с Советским Союзом происходит за счет американских, а не советских денег.

Следующим аргументом противников экономических санкций против СССР являются **новые рабочие места, созданные для выполнения советских заказов в США.** Этот довод, однако, так же сомнителен, как и первый. Незначительное увеличение занятости рабочих в США в связи с советскими заказами (повторим: оплаченными через американские кредиты) не понижает безработицы в Соединенных Штатах существенно.

Этот положительный эффект советских заказов является не только минимальным и иллюзорным, но и кратковременным. По данным ЦРУ, к середине 1980-х годов советская покупательная способность резко падает в связи с сокращением количества экспортируемой на Запад советской нефти. Не исключено также, что уже в 80-е годы СССР будет вынужден импортировать нефть из Ирана или Ирака. Следовательно, картина конца 1980-х годов будет значительно отличаться от конца 1970-х. Когда СССР при помощи Запада разовьет производство товаров, импортируемых в настоящее время из США, Соединенным Штатам придется сокращать отрасли промышленности, ориентированные на Советский Союз и страны Восточной Европы. Наконец, прекращение экспорта советской нефти и скудность запасов валюты в банках СССР заставит советское правительство искать иные источники дохода, что неизбежно приведет к советско-американской конкурентной борьбе на мировых рынках. В этой борьбе Советский Союз будет обладать по крайней мере двумя преимуществами: дешевым трудом советских рабочих и возможностью произвольно устанавливать низкие цены на экспортируемые товары. Примеры тому легко найти уже сегодня: советский торговый флот перевозит грузы других государств по тарифам много более низким, чем обычные международные, а советские машины "Лада" продаются в Канаде и Европе по самым дешевым ценам.

Все это, в результате, может привести к сокращению занятости в отдельных секторах амери-

канской промышленности. Так привел к кризису американской автомобильной промышленности усилившийся спрос американцев на дешевые и экономные японские автомашины. Но тогда не лучше ли уже сейчас ориентировать американское производство на потребности США, а не на заказы СССР – крайне ненадежного торгового партнера, – например, вкладывать большие средства в развитие новых источников энергии внутри Соединенных Штатов, а не в производство зерна для Советского Союза и Восточной Европы?

К выгодам торговли с СССР ее сторонники относят и **возможность импортировать редкие металлы и топливо из Советского Союза.** Но и этот довод не выдерживает никакой критики. Так, в 1977 г. американский импорт топлива и сопредельных материалов из СССР составил 0,03% от общего импорта данного сырья, причем за последние годы советский экспорт топлива лишь уменьшился, а к середине 1980-х гг. этот источник обещает полностью иссякнуть. Если же говорить о редких металлах, например о хроме или титане, то и здесь СССР не является ни монополистом, ни основным поставщиком для США. Позиции Советского Союза в этой области слабеют из года в год, а основными экспортерами хромитов в Соединенные Штаты, опередив СССР, стали Южная Африка, Финляндия, Филиппины и Турция. Главные экспортеры титана в Соединенные Штаты – Япония, Советский Союз и Великобритания. Но большие запасы титана есть и в ФРГ, и в Канаде, а, следовательно, абсолютной зависимости от СССР в импорте титана нет.

Возможность приобретать советскую технологию – еще один аргумент в защиту советско-американской торговли. В некоторых областях, таких как сталеплавление, передача энергии высокого напряжения на расстояние, Советский Союз считается идущим впереди. Но технологический обмен между двумя странами многие специалисты справедливо называют улицей с односторонним движением, так как СССР крайне неохотно делится своей технологией, а зачастую просто засекречивает ее.

Наконец, в поисках доводов о необходимости торговли с СССР, в США выдвинули еще один аргумент: если Соединенные Штаты помогут Советскому Союзу увеличить добычу нефти, то это не только приведет к увеличению ее мировых запасов и замедлению роста цен на нефть, но и приостановит советскую экспансию в сторону Персидского залива. Но такое заключение мог сделать лишь человек, не понимающий природы советского государства. Например, в 1973 г., имея достаточное количество нефти и для внутреннего потребления, и для продажи за границу, советское правительство пыталось оказать давление на страны ОПЕК, "советуя" им сократить производство нефти. Этим кремлевское руководство надеялось не только ослабить Запад, подорвав его энергетическую базу, но, что много важнее, поставить западные страны в зависимость от советской нефти, точно так же как сегодня поставлена в зависимость от советского природного газа Западная Германия, импортирующая 25% потребляемого ею газа из СССР.

Как уже отмечалось, Советский Союз испытывает постоянную нехватку валюты для выплаты по своим долговым обязательствам и заказам. Дефицит советского торгового баланса со странами Запада – огромен. Низкое качество советских товаров, трудности с запасными частями и обслуживанием делают на данном этапе невозможным расширение советского экспорта. Чтобы заработать валюту, необходимую для покупки за границей промышленных товаров, зерна и технологических патентов, СССР увеличивает свои иностранные операции в области морских перевозок, рыболовства, страхования, продажи сырья... Он открывает новые компании, базирующиеся за рубежом, продает вооружение развивающимся странам и золото развитым. Однако в конце 1970-х годов спрос на советские промышленные товары снижался, а экспорт сырья, особенно нефти, который давал огромную прибыль, ограничивался в связи с возросшим спросом на нее в СССР и Восточной Европе. Основным источником финансирования растущего советского импорта стали западные кредиты.

Правомерность предоставления кредитов социалистическим странам уже давно вызывает споры на Западе. С экономической точки зрения кредиты усиливают инфляцию в США и уменьшают капиталовложения в американскую промышленность, что отражается и на платежном балансе в целом, и на занятости американских рабочих. Однако политический аспект вопроса много более важен. Американские, да и западно-европейские и японские кредиты советскому правительству не только помогают свить ту веревку, на которой будет повешен Запад, но и являются как бы постоянными заложниками в руках Советов. Сейчас это не только предположения западных "антисоветчиков", но и реальность. Когда в 1980 г. президент Картер, в рамках программы экономического давления на СССР, сократил импорт аммония из Советского Союза, Кремль заявил, что приостановит выплаты по кредиту в 180 млн. долларов, которые советское правительство заняло у экспортно-импортного банка США для финансирования заводов по производству аммония. Это был откровенный шантаж.

В 1977 г. в своей статье о советско-американской торговле Даниэль Эргин указывал на пример отказа одной из коммунистических

стран, Северной Кореи, вернуть свой долг. Эргин писал также, что "Москва никогда не отказывалась выплачивать займы, но мы не можем быть уверены в том, что так будет всегда". Эргин, возможно, не знал, что СССР дважды в советской истории аннулировал иностранные займы. И оба раза это сходило ему с рук. Первый – после революции 1917 г. Второй – после окончания Второй мировой войны, когда Сталин в одностороннем порядке аннулировал долги по ленд-лизу.

И в первом, и во втором случае расчет строился на жадности американских и западно-европейских бизнесменов, которые в погоне за новой прибылью, не потребовав никаких компенсаций за "мелкие недоразумения" прошлых лет, пойдут на возобновление деловых отношений. Например, в 1921 г., когда Советский Союз вынужден был отказаться от политики военного коммунизма, ввел НЭП и открыл свои двери западным кредиторам, он не только получил все, что хотел и на что, быть может, не смел рассчитывать, но получил и формальное разрешение вопроса о долгах дореволюционной России. Советское правительство признало мизерную часть долгов царского и временного правительств, а выплату ее производило в виде надбавочного процента ежегодных платежей по полученным кредитам. Таким нехитрым способом долги Западу выплачивались его же деньгами.

Ничто не изменилось с тех пор. И что самое страшное – не изменился Запад. В 1972 г. Советский Союз и Соединенные Штаты достигли договоренности о выплате долга по ленд-лизу до 2001 года. Размер долга уменьшился с 10,8 млрд. долларов до 722 млн. Но и эту сумму советское правительство согласилось выплатить лишь в обмен на новые американские кредиты и торговое соглашение.

Западная политика в отношении кредитов социалистическим странам порой не поддается никакому разумному объяснению. Например, польский внешний долг равен сейчас примерно 26 млрд. долларов, причем для выплаты одних только процентов по займу Польша вновь одалживает деньги у Запада. Уже сегодня очевидно, что этот многомиллиардный польский долг никогда не будет выплачен. Тем не менее, вновь и вновь обсуждаются польские предложения о новых кредитах, не говоря уже о льготных поставках продовольственных товаров, которые Европа продает не только в кредит, но и по ценам на 10–15% ниже обычных. И остается гласом вопиющего в пустыне возглас Александра Солженицына: "Не помогайте нашим рабовладельцам!"

Расчеты советского и польского правительств аутентичны: грядущий международный кризис рано или поздно аннулирует долги точно также, как это сделала Вторая мировая война.

А вот комментарии американских журналистов о кредитной политике Запада:

"Западноевропейские официальные лица и банкиры говорят, что они хотят держать коммунистические режимы политически и экономически стабильными для того, чтобы те могли выплатить их растущие долги".*

Таким образом, чтобы улучшить свой торговый баланс, США должны торговать с СССР, а чтобы Советский Союз мог что-то купить, Соединенные Штаты обязаны предоставить ему кредиты, которые они получат назад лишь в том случае, если будут "держать коммунистические режимы политически и экономически стабильными", и, в конце концов, демократия будет служить тирании, стремящейся уничтожить саму демократию.

Минусы кредитной политики Запада не ограничиваются этим. От наблюдательных американских специалистов и ЦРУ, возможно, не ускользнул вопрос, куда же девается та валюта, которую получает Советский Союз от продажи своего золота, нефти, газа, водки и черной икры. Много более серьезным источником дохода является, вероятно, продажа за границу оружия. В 1980 г. СССР продал оружия больше, чем любая другая страна, в том числе и Соединенные Штаты. Куда же уходят эти деньги, если значительная часть советских заказов за границей обеспечивается кредитами? Ответ на этот вопрос – однозначен: на организацию международного терроризма, революций, переворотов, разведывательную деятельность и пропаганду за пределами СССР.

Когда, в ответ на обвинения президента Рейгана, Москва заявила, что международные террористы финансируются Соединенными Штатами, она лгала лишь на половину. Американское правительство, как видно, не подозревает о том, что Советский Союз имеет возможность оплачивать расходы международных террористов только благодаря американским, японским и европейским кредитам.

Вдумаемся, во сколько могла обойтись операция по похищению и убийству Альдо Моро, бывшего премьер-министра Италии. Его захватили живым, среди бела дня, застрелив пять его телохранителей, чья работа – защита Моро, чья профессия – владение оружием. Террористы не потеряли при этом ни одного человека и не дали телохранителям произвести ответных выстрелов. Покушавшиеся безнаказанно скрылись из города и остались ненайденными даже тогда, когда Рим и прилегавшие к нему районы были объявлены на полуосадном положении.

---

* U.S. News and World Report, October 6, 1980.

Такие операции готовятся террористами многие месяцы, а их участники проходят длительную подготовку на специальных базах в ГДР, Чехословакии или где-нибудь в Африке, и натренированы не хуже израильских командос.

И если итальянского судью убивают из бесшумного пистолета чехословацкого производства; если на острове Корсика в один день взрываются 40 бомб, а в Испании действует организация баскских сепаратистов ЭТА; если лидер ПЛО приезжает для переговоров в Москву и, вероятно, не только для того, чтобы пообедать с Брежневым "в обстановке полного взаимопонимания", как каждый раз сообщает нам "Правда"; если повстанцы в Африке и Латинской Америке не ощущают недостатка оружия, врачей и "инструкторов", мы обязаны этим не только советскому правительству, но и западным кредитам, предоставленным СССР.

По данным ЦРУ, Советский Союз расходует на непосредственную помощь террористам примерно 200 млн. долларов в год. Однако советское правительство финансирует еще и террористические государства. Так, ежедневная помощь Кубе исчисляется в десять миллионов рублей, причем трудно установить, какой процент этой суммы уходит на покрытие расходов по содержанию кубинских войск в Африке и подготовку на кубинских базах террористов для работы в Латинской Америке.

Но и этого мало. Кредиты, размещаемые внутри Советского Союза, используются прежде всего для усиления военного потенциала СССР. Например, советский комплекс по производству грузовиков ЗИЛ, построенный с американской помощью, выпускает не только военные грузовики, но и установки для запуска ракет. Технология производства приборов навигационной и электронной ориентации, купленная у американской фирмы Литтон Индастрис, облегчает советским военным самолетам и кораблям слежение за американскими подводными лодками, а американская электроника для гражданских авианавигационных систем используется в компьютерах, наводящих ракеты. Точные шариковые носители, купленные у фирмы Брайан Гриндер Корпорейшн ов Вермонт, используются для совершенствования ракет типа МИРВ; сложные шариковые подшипники, поставленные Соединенными Штатами Советскому Союзу в рамках заказа на современную буровую технику, применимы в спутниках-ракетоносителях с разделенными боеголовками индивидуального наведения; а КАМский автозавод, построенный с американской и западноевропейской помощью и на иностранные кредиты, пока что изготовляет мощные военные грузовики, используемые в Афганистане, но в момент кризиса быстро будет переведен на военные рельсы и начнет выпускать танки и бронемашины. Точно так же, как во время Второй мировой войны тракторные заводы, построенные западными специалистами на западные кредиты, производили лучшие в мире танки Т–34. Даже миллионный компьютер, заказанный советским правительством для ТАСС и по счастливой случайности не проданный Советскому Союзу, предполагалось использовать во вред Западу – для ведения "антикапиталистической" пропаганды в СССР и за его пределами. Перечень отдельных примеров применения зарубежной техники для военных целей не имел бы конца. Не останавливаясь на деталях, нам важно установить главное: американская современная техника используется советским правительством для совершенствования своей военной машины.

В 1978 г. Белый дом решил вмешаться в процесс, который вел к одобрению или отказу в экспортной лицензии на продажу новейшей техники коммунистическим режимам. Выступая по этому поводу, президент Картер, в частности, сказал: "Слишком часто Белый дом включается в обсуждение лицензий после объявления тревоги, когда бывает уже слишком поздно". Но дальше громких слов дело не пошло. Все осталось по-старому. И никто не задумался над тем, что затраты, производимые США для покрытия советского военного прогресса, достигнутого с помощью американских поставок, сводят к глубокому отрицательному балансу советско-американские торговые отношения.

Но, быть может, не экономические, так политические выгоды приносит торговля двух стран? Ведь теория детанта (разрядки) как раз и основана на том, что расширение экономических связей с СССР приведет к улучшению политических взаимоотношений между нашим и советским государством. Увы, с сожалением приходится констатировать, что детант не привел ни к прекращению гонки вооружений в Советском Союзе, ни к отказу от новых военных авантюр кремлевского руководства. Детант на практике ни в чем не был схож с той мертвой теоретической моделью, в которую так хотел верить Запад.

"Разрядку" рассматривали в трех аспектах: идеологическом, военном и экономическом. Но идеологический детант отрицается советским правительством в принципе. В соответствии с этим, антиамериканская пропаганда внутри Советского Союза не ослабевает ни на минуту. Советские радиостанции, направленные за границу, занимаются уже не просто антиамериканской и антизападной пропагандой, но форменным подстрекательством, как это имело место во время захвата 52 американских заложников в Иране. В то же время, за-

падные демарши именуются советским правительством вмешательством во внутренние дела СССР. Доходит до абсурда. Например, требование освободить Анжелу Дэвис – справедливое требование советского правительства, а протесты против высылки Сахарова – вмешательство во внутренние дела СССР. Американская вовлеченность во вьетнамскую войну – агрессия, в то время как словесные возмущения советским вторжением в Афганистан – вмешательство во внутренние дела Афганистана. Постановление генеральной ассамблеи ООН о советской интервенции в Афганистане – вмешательство во внутренние дела независимого афганского правительства. Но не ясно тогда, почему можно вмешиваться во внутренние дела Израиля и Южно-Африканской республики, почему можно экономически бойкотировать Родезию. Почему, наконец, генералу Франко не пришло в голову назвать вмешательством во внутренние дела Испании протест правительств западноевропейских стран в связи с вынесением смертных приговоров пяти баскским сепаратистам, – и террористы так и не были казнены. А Южная Корея легко смирилась с многочисленными заявлениями в защиту главы южнокорейской оппозиции, и его смертный приговор не был приведен в исполнение.

В нашем маленьком мире уже давно не осталось дел внутренних. В конце двадцатого века мы настолько связаны друг с другом, что, отстаивая чужую свободу, мы делаем это прежде всего для себя.

Чем же объяснить столь упорное нежелание Советов пойти на идеологическую разрядку с Западом в обмен на экономические и военные уступки? Ответ на этот вопрос лежит в основе самой экономической и политической структуры Советского Союза.

В отличие от американской, советская экономическая машина всегда находилась в положении "догоняющей" и менее развитой. Именно поэтому Советский Союз столь сильно заинтересован в технологическом и товарном обмене с Соединенными Штатами. В последние годы в СССР произошли изменения, увеличившие и без того громадные советские аппетиты в отношении западной технологии. СССР практически исчерпал возможности экстенсивного развития, и дальнейший экономический рост страны связывается теперь с интенсификацией, в частности, – с повышением производительности труда, а не с количественным увеличением заводов и посевных площадей. 1980-е годы принесли еще два потенциально опасных явления: резкое уменьшение рабочих рук и нехватку энергии.

Экономическая отсталость сама по себе мало беспокоит советских лидеров. Внутри своей страны они свободны от конкуренции с другими производителями. Волнения начинаются там, где экономическая отсталость переходит в военную, где застой в развитии сельского хозяйства и абсолютная зависимость хлебных урожаев от погодных условий приводит к перманентной нехватке продуктов питания и грозит взрывами недовольства народных масс. Польша восстала, еще не дойдя до той более низкой ступени продовольственного снабжения, на которой годами находится советский народ. Пассивные забастовки и "волынки" возникают и на отдельных предприятиях в СССР.

Уже в 1978 г. в советских газетах появились сообщения, подтверждающие, что опубликованный в 1977 г. ЦРУ прогноз экономических показателей СССР на конец 1970-х – начало 1980-х годов в целом оказался правильным. В 1978 г. советское правительство призвало к экономии энергии, а в январе 1979 г. "Правда" признала, что "в стране возникли известные трудности с топливом".

В конце того же года Брежнев открыто подверг критике нескольких министров, чье "небрежное отношение к труду, безответственность" и "плохая работа" привели страну к экономическим трудностям. 1979 г. стал годом самого низкого со времени Второй мировой войны промышленного роста (3,4%); производительность труда выросла в целом лишь на 2,4% и фактически упала в сельском хозяйстве и железнодорожном транспорте; урожай зерна оказался самым плохим со времени 1972 г.; экономический план на 1980 г. был значительно снижен по сравнению с первоначальными цифрами пятилетнего плана 1976–1980 гг. Но и 1980 год не принес улучшений. На низком уровне остался рост производительности труда и потребление на душу населения. Будущее сулит новые трудности. Согласно предсказаниям западногерманских специалистов, СССР ожидает дальнейший спад экономического роста. Если с 1966 по 1970 гг. экономический рост Советского Союза составлял 7,7%, то в период последующего пятилетнего плана он снизился до 5,7%, а с 1976 по 1980 г. экономический рост в СССР упал в среднем до 4%. Новые экономические задачи Советского Союза могут лежать только в этих пределах, да и то при условии значительного роста производительности труда. Реальный доход на душу населения в будущей пятилетке увеличится не более, чем на 3%, что вдвое меньше достигнутого за пятилетку 1966–1970 гг.

Занимая столь слабые экономические позиции, советское правительство находит спасение в идеологической обработке своих собственных граждан и западного общественного мнения, и вот почему не хочет идти на "идеологи-

ческий детант".* Заметим, что уже сегодня "идеологическая война" ведется лишь на территориях Запада, который в одностороннем порядке и безоговорочно признал фактическое право СССР вести пропаганду за границей, отказавшись в то же время от каких-либо серьезных попыток защитить американскую и западноевропейскую демократию от лжи, публикуемой в "Правде" и преподносимой народам коммунистических государств, стран третьего мира и Запада. Происходящее стало настолько само собой разумеющимся явлением, что даже президент Картер, сделавший борьбу за права человека краеугольным камнем американской внешней политики, выступая в июле 1978 г. по американскому телевидению, сказал: "Мы не можем вмешиваться во внутренние дела Советского Союза".

А они – могут. Перед ними – свободный Запад, который не вводит никаких ограничений на продажу коммунистической, в том числе и советской, прессы и литературы, где любая общественная организация, например, американские квакеры, может приглашать советских официальных представителей и без препятствий со стороны правительства предоставлять им трибуны и страницы газет для ведения антизападной пропаганды. На советские деньги печатаются антиамериканские листовки в самих США, устраиваются шумные кампании против "драфта"; естественно – не без энтузиазма американской молодежи, прикрывающей пустыми политическими лозунгами обычное отсутствие мужества и привыкшей быть против правительства во всем, что требует с ее стороны хоть каких-то жертв или самоограничений. Американские коммунисты по заданию своих московских хозяев всегда поддерживают и движение, направленное против использования атомной энергии в мирных целях. Между тем, СССР был первой страной, построившей атомную электростанцию; и советское правительство хорошо понимает, что отказ США от строительства атомных электростанций усилит энергетический кризис в Америке.

(Окончание следует)

* По нашему мнению, не это является главной причиной того, что Советы не идут на идеологический детант. По нашему мнению, идеология для них по-прежнему является самым важным и они по-прежнему стремятся к мировой революции. (Прим. ред.)

Г. КАНОВИЧ

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СССР И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ РУКОВОДСТВА

Понятие демографической ситуации включает в себя ряд компонентов. Рассматривать их все или, тем более, какие-либо теоретические проблемы демографического анализа не входит в задачу данной работы. Цель работы вполне конкретная – рассмотреть те аспекты демографической ситуации в СССР в настоящее время, которые уже оказывают и будут в дальнейшем оказывать все возрастающее влияние на другие аспекты социально-экономической жизни в СССР, а через них – на политику руководства страны.

Важнейшими из этих аспектов являются численность населения, его поло-возрастной состав, уровень рождаемости и смертности (в том числе детской смертности) и соотношение этих моментов по регионам и национальным группам страны.

Сейчас население СССР приближается к 270 миллионам, но при росте численности населения, увеличение его происходит все медленнее на все уменьшающуюся абсолютную величину. Это вызвано падением уровня рождаемости. С конца 40-х годов этот уровень был стабильно высоким: 25–27 промилле (25–27 родившихся на 1000 чел. населения). С 1960 г. начался новый период быстрого падения этого уровня до 17–18 промилле к 1970 году, и сейчас начинается новое падение. В качестве причины этого падения чаще всего называют одну – "эхо войны". Несомненно, однако, что таковых причин несколько. Об этом говорит тот факт, что в 70-е годы, когда в брачный и фертильный возраст вступило многочисленное поколение 50-х годов, рождаемость отнюдь не выросла. Причины сокращения рождаемости, кроме вышеназванной, – быстрая урбанизация страны, вовлечение женщин в общественное производство, повышение культурного и образовательного уровня населения и др. Но снижение рождаемости в стране в пределах вышеназванных цифр скрывает еще один дополнительный факт. При падающей или стабильной рождаемости в целом по стране все большая доля новорожденных приходится на Среднюю Азию, где уровень рождаемости значительно выше, а в остальных регионах падение более глубокое и непрерывное. (Здесь и далее, говоря о Средней Азии, имеется в виду также и Южный Казахстан, который по всем

аспектам демографической ситуации идентичен с Узбекской или Туркменской республиками). В результате, например, при том, что население Узбекистана составляет лишь треть населения Украины, число учащихся узбекских школ (было) примерно равно половине украинских.

С начала 80-х годов в фертильный возраст вступает значительно меньшее по численности поколение женщин, родившихся в 60-е годы (в 1960 г. родилось 5,3 млн. младенцев, а в 1970 г. – лишь 4,1 млн.). Все вышеперечисленные факторы падения рождаемости лишь усиливают свое влияние. Появляются дополнительные, работающие в том же направлении, например, быстрое ухудшение жизненных условий народа, чего не было в 60-х годах. В городах Средней Азии также начинается падение уровня рождаемости подобно тому, как это произошло в Азербайджане с конца 60-х годов. Несомненно, уже сейчас в целом по стране это все приведет к новому падению уровня рождаемости.

Можно ли предотвратить или хотя бы уменьшить это новое падение? Да. Путем затраты значительных финансовых средств и отвлечения значительной доли женщин от участия в общественном производстве. При нынешнем положении в стране этого ожидать нельзя.

К середине 60-х годов смертность в СССР достигла очень низкой цифры – менее 7 на 1000 человек. И здесь, конечно, сказалось, хотя и по-другому, "эхо войны". Но и в этом аспекте влияли другие факторы – возрастная структура населения, улучшение жизненных условий, уровня культуры, гигиены и пр. Со второй половины 60-х годов смертность стала расти, причем непрерывно, и сейчас увеличилась более чем на 60%. Кроме окончания действия "эха войны", это вызывается ухудшением возрастной структуры населения, ростом алкоголизма, ухудшением питания, медицинского обслуживания (нехватка лекарств, медицинского персонала – среднего и особенно низшего: так, хотя в СССР врачей больше, чем в США, медсестер в 2–3 раза меньше, а нянечек и санитарок в 20–25 раз), усиление напряженности ритма жизни (урбанизация, очереди, плохая работа сферы обслуживания) и т.п. В результате сейчас в СССР наблюдаются явления, совершенно не имеющие прецедента в других развитых странах и, возможно, вообще в современном мире. Так, за последние 15 лет длительность жизни у мужчин сократилась более чем на 2 года. Начинается сокращение длительности жизни женщин. В СССР самый большой в мире разрыв длительности жизни мужчин и женщин – 10 лет. (Основная причина – массовый алкоголизм). Длительность жизни в СССР ниже, чем в любой развитой стране мира, включая Грецию и Португалию.

Увеличение смертности происходит по всем возрастным группам. Резко возрастает детская смертность. В 1972 г. она составляла 22,7 на 1000 родившихся, что было в 6,5 раза ниже уровня 1913 года, но выше чем в других развитых странах. С 1973 года она стала расти, к 1976 году достигла 27,1. С тех пор советская статистика данных по этому показателю не дает, но расчеты и неофициальные данные говорят о том, что эта цифра далеко превысила 30 промилле.

Каковы причины детской смертности?

Быстрый рост алкоголизма, и, что в данном случае особенно важно, среди женщин; ухудшение качества питания, медицинского обслуживания, увеличения доли новорожденных, падающей на Среднюю Азию, где уровень медицинского обслуживания, санитарии и гигиены еще ниже, и пр.

Для того, чтобы остановить или хотя бы замедлить вышеперечисленные процессы, уменьшить смертность детей, молодежи и людей среднего возраста, нужно уменьшить потребление алкоголя, улучшить питание и вообще все условия жизни населения. В условиях существующего в СССР сегодня строя это, конечно, невозможно. Поэтому увеличение смертности и сокращение длительности жизни будет продолжаться.

Вышеперечисленные тенденции демографической ситуации в СССР еще несколько лет назад могли казаться кому-то представляющими лишь абстрактный интерес. Сегодня они оказывают сильное и все возрастающее влияние прямо или косвенно на все аспекты жизни страны и политики ее руководства. Рассмотрим в самой сжатой форме это влияние в экономической, военной областях и сфере межнациональных отношений в СССР.

По самой своей природе советская экономика, по сравнению с западной, – экстенсивная. Разрыв в производительности труда в СССР и США, например, (в промышленности – в 2 раза, в сельском хозяйстве в 4–5 раз по официальным данным) за последние 25 лет практически не изменился. Поэтому ясно, какое значение для СССР имеет рост численности занятых в народном хозяйстве, особенно, если учитывать при этом быстрое падение эффективности капиталовложений (за 70-е годы в 2,5–3 раза).

Весь послевоенный период рост численности занятых был стабильным и очень высоким – от 2 до 3 млн. человек в год в среднем. Но даже при этом, так как эта стабильная цифра составляла все меньший процент по отношению к уже работающему населению, а рост производительности труда был более или менее постоянной величиной, то темп роста валовой продукции, промышленного и сельско-

хозяйственного производства постоянно сокращался (например, промышленное производство росло на 15% в начале 50-х годов и только на 4% в 1976–1978 гг.). В конце 70-х годов впервые за послевоенный период картина изменилась. Ввиду сокращения рождаемости с 1960 года и роста смертности во всех возрастных группах численность роста рабочей силы стала сокращаться с 1978 года. В 1980 г. этот рост составлял уже лишь 1,5 млн. человек (более половины роста при этом приходилось на Среднюю Азию). В 1982 году почти во всех регионах страны роста не будет вообще, а с 1983 г. начнется сокращение численности рабочей силы, и этот процесс продлится как минимум 10 лет.

ИЗМЕНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА НАСЕЛЕНИЯ В ТРУДОСПОСОБНОМ ВОЗРАСТЕ (20–60 ЛЕТ)
(Составлено на основе данных переписей)

1971–1975 гг.	+13,8 млн.
1976–1980 гг.	+ 8,5 млн.
1981–1985 гг.	+ 4,1 млн.*
1986–1990 гг.	– 1,2 млн.*

На деле положение будет еще хуже, чем можно судить по таблице. Во-первых, таблица не учитывает роста смертности, в том числе в рабочих возрастах, так что число фактически работающих будет, конечно, меньшим. Во-вторых, все больший процент вступающей в рабочий возраст молодежи приходится на Среднюю Азию, а эта часть плохо мигрирует даже внутри своего региона, как правило, остается жить в своих деревнях и практически не выезжает за пределы Средней Азии. А сельское хозяйство этого района и так не страдает от недостатка рабочей силы.

Учитывая эти факты, нетрудно представить экономическое положение СССР в самые ближайшие годы. Сейчас темп роста промышленности официально уже менее 4%. Из этого рост производительности дает 2 или 2,5%. Даже при абсолютном росте численности рабочей силы в стране в 70-е годы в 22 млн. человек такие темпы роста промышленности привели к очень высокой миграции сельского населения в города (кроме Средней Азии). По нечерноземной зоне РСФСР уменьшение сельского населения составило по отдельным областям между 1970 и 1979 годами от 20 до 35%. Но так как уезжает из деревни, в основном, молодежь или, в крайнем случае, люди среднего возраста, то убыль трудоспособного сельского населения за эти 10 лет значительно выше. Кроме того, все большая часть населения, живущего в сельской местности, либо работает в городе, либо занята несельскохозяйственным трудом в деревне. Поэтому уже сейчас менее 10% трудоспособных работают во многих областях в сельском хозяйстве, а средний возраст этих работников приближается к пенсионному.

Именно поэтому продуктивность животноводства не растет более 10 лет, поэтому производство льна ниже уровня 1913 года, в последние годы наблюдается абсолютное сокращение производства ряда сельхозпродуктов.

Последние четверть века городское население в составе всего населения страны растет примерно на 1% ежегодно. Остановить этот процесс при стагнации или падении численности рабочей силы в стране – значит пойти на абсолютное сокращение промышленного производства вообще и военной продукции в частности, причем в значительных размерах. Продолжать этот процесс (а пока так и делается, для чего, в частности, заканчивается "паспортизация всей страны) значит в очень близкие годы практически ликвидировать сельское хозяйство в значительной части страны. И это ни в коей мере не преувеличение, это признается даже в светской литературе. Но кто будет кормить такую громадную страну, как СССР?

Уже сейчас отрасли, в которых много опасного, тяжелого и непривлекательного труда, сокращают производство – уголь, лес, лен и т.д. Уже сейчас строительство крупнейшего лесопромышленного комплекса на БАМе поручается Министерству сельского хозяйства УзССР. Уже сейчас продовольственные проблемы нарастают, как снежный ком. А что будет завтра?

Демографическая ситуация в СССР оказывает непосредственное влияние на вооруженные силы страны. Солдаты, составляющие основную часть армии, это юноши призывного возраста: 18–20 лет. В 1960 году родилось примерно 2,65 млн. мальчиков, основная часть которых в 1978 г. пошла служить в армию. Но после 1960 г., ввиду падения рождаемости, мальчиков рождалось все меньше, и в 1966–1970 гг. их рождалось ежегодно лишь чуть более 2 млн. Уже в 1981 году набор в армию был, как минимум, на 160–180 тысяч меньше, чем в 1978 г. В армии служат два года, два призывных возраста, поэтому уже сейчас количество солдат в советской армии меньше на 300–350 тыс. человек. К 1987 году эта цифра (в сравнении с 1978 годом) вырастет до 1,2–1,3 млн. И это без учета резкого увеличения детской смертности, резкого увеличения рождения негодных к службе в армии из-за алкоголизма родителей, некоторого увеличения числа студентов и т.д. Общая цифра уменьшения состава никак не менее 1,5 млн. солдат. При этом процент призывников из Средней Азии, Южного Казахстана, Кавказа во второй

* Две последние строки – прогноз на будущее. Он может оказаться и неверным (Ред.).

половине 80-х гг. будет более 15%, и многие из этих призывников плохо знают русский язык. Конечно, есть простой выход – увеличить срок службы в армии. Но это означает усилить и без того резкий дефицит рабочей силы в стране, что, опять же, несомненно, в нынешних условиях скажется на военном потенциале. Поэтому руководство на это не идет; напротив, армия, солдаты используются для различных отраслей экономики, практикуются досрочные демобилизации по просьбам руководителей сельскохозяйственных предприятий и т.п.

Существующая демографическая ситуация и ее тенденции оказывают существенное влияние на характер межнациональных отношений в СССР.

Следует сказать, что высказываемые часто мнения о скором "мусульманском" засилье в Советском Союзе безосновательны. Численность всех народов Средней Азии вместе с Казахстаном не составляет более 25 млн. человек. Вместе с азербайджанцами (6 млн.), татарами (5 млн.) и башкирами (3 млн.) все равно никак не получается тех 50 млн. мусульман, о которых часто говорят, но и 50 млн. это было бы около 18% населения страны. При этом рождаемость у азербайджанцев, татар и башкир падает много лет подряд и сейчас приближается к средней по стране. У городских жителей коренных национальностей Средней Азии этот процесс начинается сейчас. Тем не менее пока что значение Средней Азии действительно возрастает – наибольший темп роста капиталовложений, роста потребления электроэнергии по регионам страны, единственный вид сельхозпродукции, который СССР еще вывозит – хлопок, производится здесь и т.д. и т.п.

И далее доля нерусских народов будет возрастать: в 1970 г. из 49 млн. учащихся школ примерно 26 млн. были русскими; в 1980 г. – соответственно из 44 млн. – 20 млн. Это уменьшение доли русских вместе с ростом образования, культуры, развитием экономики, ростом национального самосознания ведут к чрезвычайно важным последствиям: впервые за много столетий начинается уменьшение численности и влияния русских на окраины страны.

Перепись 1979 г. показала сокращение процента русского населения почти во всех республиках. Что еще важнее, в ряде районов (например, в целом по Грузинской и Азербайджанской республикам) уменьшается абсолютная численность русских (в Азербайджане почти на 10% за последние годы).

Все миграционные потоки внутри страны имеют одну общую черту – стягивание национальностей к своим республикам. Естественно, трудно говорить о руссификации окраины без конкретных носителей этой политики – русских. Быстро растущие настроения национализма получают благоприятные возможности для конкретного воплощения на практике. Чем меньше русских в нерусских районах, тем меньше возможности у руководства в его стремлении к уменьшению различий и к усилению единообразия. Последствия этих моментов не совсем очерчены, но угрожающи. Фактически именно теперь закладывается фундамент для возможного разделения страны.

Протоиерей Д. КОНСТАНТИНОВ

ЛЮБОСТЯЖАНИЕ

(Народная беседа)

"Некто из народа сказал Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы он разделил со мной наследство. Он же сказал человеку тому: кто поставил Меня судить или делить вас?" (Лука, XII, 13–14), давая этим ответом ясно понять о своем категорическом отказе вмешиваться в материальные дела людей, когда эти дела начинают играть роль главных жизненных ценностей. Ибо для человека, обратившегося с этой просьбой к Иисусу, видимо, в тот момент желание получить наследство, т.е. какое-то материальное богатство, доминировало над всем другим. Иначе он не обратился бы к Господу с такой неуместной в данном случае просьбой. Господь часто помогает людям и в их трудностях, связанных с материальным существованием, но не тогда, когда люди не столько нуждаются в этих ценностях, сколько проявляют стремление к накоплению, иногда перерастающему в жадность. И отказывая человеку в его просьбе помочь разделить наследство и даже оказать известное давление на его брата, Господь здесь же сразу же предупреждает всех нас.

"Смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения" (Лука, XII, 15), – говорит Господь, подтверждая это положение глубоко трагической по существу притчей о богатом человеке, получившем хороший урожай. Урожай во

много раз превышал все потребности этого человека. И, обрадовавшись, он решает сломать все свои помещения, в том числе и для зерна (житницы), построить новые, собрать туда весь свой хлеб и все добро свое и сказать самому себе: "И скажу душе моей: душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись. Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил? Так бывает с тем, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет" (Лука, XII, 19–21).

Разбогатевший человек возложил все свои надежды на материальное богатство, психологически рассматривая его как некую надежную силу, дающую ему возможность располагать всеми обстоятельствами своей жизни по своему усмотрению. Так думают и так поступают многие миллионы людей. И все они без исключения называются Господом – безумными. Так называет их Спаситель, всегда и всюду избегавший каких-либо резких выражений. Но здесь, в евангельском контексте, данное выражение звучит и как некое явное обличение, и как констатация духовного состояния евангельского богача, многих других людей, живших до нас и живущих и в наше время. Констатируя все это, Господь здесь же предупреждает всех нас: подобное может случиться со всеми, кто собирает сокровища для себя, а не в Бога богатеет.

Отмечая все сказанное нами выше, мы должны будем снова и снова поставить вопрос, вопрос весьма существенный, – о христианском отношении ко всякого рода материальному богатству, к проблеме имущественного благополучия. И ответ на заданный вопрос может быть весьма кратким и простым. Христианство характеризуется легким отношением к материальным земным ценностям, особенно личного характера. Что значит "легкое отношение"? Выражение это в данном случае весьма точно выявляет сущность затронутой проблемы. Легкость заключается в следующих ее особенностях. Несомненно, христианин может и даже должен пользоваться земными благами, посылаемыми ему не без Божией помощи и на благо многих, но он никогда не должен быть рабом этих благ или богатства. Христианин может владеть богатством, но никогда, ни при каких обстоятельствах, богатство не должно владеть христианином. Народная поговорка – "Бог дал, Бог и взял" – лучше всего характеризует то легкое отношение к земным ценностям, о котором мы здесь и говорим. При этом мы должны уметь управлять во славу Божию данными нам Богом земными ценностями, а не они нами, как это, к сожалению, довольно часто бывает и как это имело место в евангельской притче.

В тесной связи со всем сказанным сразу же выдвигается и проблема христианской благотворительности. И если в истории христианства мы знаем немало случаев, когда люди раздавали все свое имущество нуждающимся во имя Христа и уходили на служение Ему, то этот евангельский идеал духовного совершенства не может быть принудительно распространен на всех без исключения христиан. Несомненно, наличие богатства или просто каких-то ценностей в руках христианина морально обязывает его к актам благотворительности, но степень, характер и пределы этой благотворительности не могут носить в себе каких-то обязательных норм и являются результатом изъявления доброй воли каждого, степенью и характером его духовной настроенности.

Владея материальными ценностями, разумно управляя ими, мы должны идти по пути собирания сокровищ в Боге. Указанное практически означает в общем совершенно несложные и простые вещи. Надо жить так, чтобы наши интересы, заботы, различного рода мероприятия, осуществляемые нами в церковном и общественном планах, и даже в политической жизни, сочетались с нашим духовно-религиозным ростом. И если этот рост будет итти постепенно, но постоянно, то все остальные стороны жизни начнут оборачиваться к нам совершенно другой стороной. А оценивать их мы будем уже совсем по-иному. Независимо от нашей воли, значение для нас материальных ценностей, их влияние начнет уменьшаться, пропорционально тому, как будет возрастать в нас духовное начало. Последнее же неизбежно приведет нас к естественной переоценке той иерархии ценностей, которая играла в нашей жизни до сих пор едва ли не доминирующую роль. И если на определенном этапе нашей жизни такие события, как, например, покупка нового автомобиля или нового дома, или менее крупных объектов выдвигались как нечто весьма и весьма существенное в жизни, то, по мере нашего духовного возрастания, значение подобного рода факторов станет уменьшаться. Наступит момент, когда оказание помощи людям, попавшим в беду, миссионерская деятельность или поддержка какого-то благого общественного начинания, участие в общественных добрых делах станет гораздо более важным, чем приобретение какого-то имущества, в сущности часто являющегося не столь нужными для нас "игрушками", очень скоро нам надоедающими и обременяющими нас.

Переход от детской игры в накопление материальных ценностей к духовно осмысленной жизни и является как раз тем духовным процессом, о котором Господь и говорит нам и называет его "богатеть в Боге". Под последним надо понимать увеличение удельного веса духовных ценностей в нашей земной и доста-

точно кратковременной жизни.

Мы далеки от мысли призывать всех без исключения христиан обязательно расстаться со всем имеющимся у нас и стать, если не нищими, во всяком случае, бедными людьми. В большинстве современных социально-развитых обществ подобное означало бы переход на содержание того же общества, которому мы хотели бы послужить. Поэтому такое решение вопроса в ряде случаев может быть и неправильным. В иных странах, где социальное обеспечение не поставлено на должную высоту, недостаточно продуманная отдача всего может повлечь за собой ряд отрицательных последствий, в ряде случаев даже опасных для жизни. Блажен, кто не обращает на это внимания и отдает все, если в подобном имеется необходимость. Это уже область духовного совершенства, от которой отказался евангельский богатый юноша, пришедший к Иисусу и пожелавший стать совершенным. Но мы говорим не о вершинах духовного совершенства, являющегося уделом избранных, а о более низких ступенях духовного развития, доступных каждому верующему человеку. Мы говорим в данном случае о таком жизненном "балансе", при котором происходит постепенное отмирание заинтересованности в приобретении материальных богатств и начинается возрастание интереса к богатствам духовным. Но искусственно прийти в такое состояние нельзя. Оно приходит само по молитве верующих, благодатию Божией, и свидетельством его присутствия будет глубокое удовлетворение от участия в накоплении ценностей духовных, а это накопление само укажет нам путь, по которому надо идти и в отношении урегулирования и нашего материального положения. И если кто-либо предпочтет отдать, например, какую-либо сумму денег, необходимых, чтобы выручить кого-то из действительной беды, чем, наоборот, получить ее от кого-то, и при этом получит подлинную радость от совершенного, то указанное и будет означать, что его судьба, его жизнь разошлись с путями евангельского богача, строившего новые помещения для своих богатств и погибшего, не успев насладиться ими. И еще весьма большой вопрос: сумел бы он получить от них что-то, если бы даже не умер? Сомнительно! Сколько на земле имеется богачей, тоскующих и не знающих, как использовать все свои материальные возможности, не знающих, что такое счастье, которое они безнадежно ищут и, как правило, никогда не находят. Подобного рода жизненные уроки, проходящие часто на наших глазах, к сожалению, не замечаются многими, а если и замечаются, то из них делаются часто неправильные выводы. Он не сумел, а вот я бы сумел! Так думал и евангельский богач, несмотря на свою уверенность, он тоже не сумел, ибо жизнь человека в целом не зависит от изобилия благ земных, которыми он располагает в данный момент.

Владимир РУДИНСКИЙ

ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

"Новое Русское Слово". Позволим себе поправить С. Рафальского по поводу репортажа "Вот какая у нас жизнь, мсье". (Смерть его нас глубоко огорчила; хотя со многими его взглядами невозможно было согласиться, он являлся одним из последних представителей старшего поколения подлинно культурной русской интеллигенции). "Энеида" начинается не словами:

Infandum, regina, jubes rehovare dolorem,

а нижеследующими:

arma virumque cano,

которые, между прочим, Камоэнс, слегка переделав, употребил как введение к своей "Лузиаде":

As armas e os barões assinalados...
Cantando espalharei por toda parte.

Цитируемый же отрывок относится к рассказу Энея Дидоне про гибель Трои и находится, в поэме Виргилия, несколько дальше (песнь II).

В. Швейцер в превосходном большом этюде о Цветаевой справедливо возлагает вину за ее возвращение на ее близких, – мужа, дочь и сына, – не преуменьшая и ответственности эмиграции: "Но выбора у Цветаевой не было, и не было никого, кто пытался бы ее отговорить и предложить помощь". О Цветаевой же пишет и А. Бахрах; но его лучше не читать... Длинный его опус выражает сосредоточенную злобу, какую честолюбивой, ограниченной посредственности свойственно испытывать перед лицом настоящего, бескорыстного и потому непрактичного в житейских проблемах таланта.

С. Ж-к дельно разносит украинского сепаратиста С. Караванского, затеявшего дискуссию с Солженицыным. Но стоит ли с подобными людьми и спорить? О них Александр Исаевич совершенно верно сказал: "В таком ослеплении ничего нельзя обсуждать."

Нелепо выглядят яростные выпады Р. Днепрова против В. Солоухина, с ни на чем не основанными подозрениями (за одно то, что он пока не эмигрировал!) и до крайности неспра-

ведливыми обвинениями; в частности, что, мол, его высокая оценка мастерства старинных иконописцев способствовала спекуляции иконами (но до того их кололи на дрова...) и что восстановление усадеб Аксакова, Державина и Блока, им предлагаемое, может оказаться выгодным для советской власти, создавая развитие туризма (значит, не надо восстанавливать?). Касательно степени образованности г-на Днепрова, приведем, кстати, штрих из его недавних заметок о Франции: он думает, что Диана де Пуатье была фавориткой Генриха IV (мы-то полагали, что Генриха II?).

Между прочим, недопустимо (как оно делается в редакционных материалах) вместо Диана писать Дайана; особенно – о принцессе, которая, вероятно, будет скоро и королевой! Но, уже если это допускать, то грамотнее писать Дайяна, а не Дайана.

Привлекает внимание обширная статья И. Мясковского с любопытными прогнозами о строе послебольшевистской России.

В эссе "Энциклопедия курьезов" (уж и впрямь!) Лесли Кэй (кто это такой, не знаем: он? она?) выныривают некие диковинные *острова Сайшель;* в натуре этаких нет; есть *Сейшельские.*

Л. Кафанова, упоминая о романе Франсуазы Саган "Bonjour, tristesse", передает его название по-русски так: "Здравствуй, Тристез". Мы бы предложили скорее переводить "Здравствуй, печаль" (никакой Тристез в нем не встречается). Ну, – помаленьку дичаем...

"Русская Жизнь". Передовица Н.П. "Единственное оружие" содержит призыв: "Всеми средствами поддерживать русскую национальную прессу: журналы "Русское Возрождение", "Вече", "Часовой", "Посев", "Свободное Слово", "Зарубежную Русь", "Согласие", "Грани", "Надежду", "Православную Русь", "Наши Вести", "Нива" (sic!), газеты "Русская мысль", "Единение", "Нашу страну", "Русскую Жизнь", "Свободную Трибуну", "антикоммунистические бюллетени и литературу" (скверное согласование падежей объясняется, очевидно, сильными эмоциями). Странный список! "Голос Зарубежья" исключен; а мы ли не защищали всегда русский народ (в чем не раз, не сговариваясь, сходились с Солженицыным)? И тут же на почетном месте – "Русская Мысль". Напомним вкратце ее заслуги: возмутительная кампания по развенчанию Пушкина (где отличились М. Слоним и З. Шаховская, при опоре на А. Синявского), против которой мы боролись сообща с "Новым Журналом", "Нашей Страной" и "Вестником Р.Х.Д." ("Русская Жизнь" стыдливо промолчала); глумления над *целомудренным* характером русской литературы; требования отмены устарелой *буржуазной* морали; воспевания Берлингуэра; шельмования стойкого антикоммуниста пастора Вурмбранда; культ глубоко аморальных писателей, как Рембо и Набоков; и в заключение – вопрос в заголовке редакторской статьи, не стыдно ли быть русским? Вспомним заодно недавно уже приведенное нами письмо в редакцию парижской газеты В. Зарубина с протестом против публикации в ней *высказываний антирусского характера.* Поистине, солидные достижения в национальном деле! За нами, слава Богу, таких нет. Рядом фигурируют "Нива" и "Зарубежная Русь", прославившиеся клеветническими выходками против Солженицына, вплоть до поддельных фотомонтажей и фальсифицированных цитат. Если сие есть *русское дело,* по представлениям г-на Н.П., и таковы суть методы, коими ему служат, – нам они решительно не подходят... "Свободное же Слово" за последнее время ощутимо склоняется к советскому патриотизму, что многократно отмечалось в прессе. Если "Русской Жизни" с ним по пути, то нам определенно, нет.

В перечень внесены и *все* органы солидаристов ("Посев", "Грани", "Единение"). Очевидно, Н.П. считает, что русская идея есть солидаризм. Мы не разделяем его убеждения. Солидаризм есть чуждая нам западного производства идеология, ведущая к тоталитарной диктатуре единой партии; а от подобной системы наша родина уже смертельно устала.

О самой "Русской Жизни" констатируем, что она, с момента ухода с поста редактора А. Делианич, переживает стремительное, угнетающее падение культурного уровня, все более теряя употребление русского языка. Впрочем, она говорит с английским акцентом не только по-русски, но даже и... по-арабски! Например, в статье о короле Иордании Гуссейне, сообщается будто "свет" по-арабски *ноор* вместо *нур* (в английской-то транскрипции noor; да надо же уметь ее разбирать!). Кстати, очень коряво звучит здесь же многократно повторенное сочетание *династия Хашемит;* следовало бы: *династия Хашимитов* или же *хашимитская династия.* Испанские имена – те и еще более уродуются: *Эсквивель* вместо *Эскивель; Че Гуэвера,* вместо *Че Гевара.* Не лучше и с немецкими: *Вейсгаупт* превращается в *Вейшаупт (!).* И вовсе не подобает писать *Уельс* вместо *Уэльс* (почему название этой страны теперь нигде не умеют выговаривать?). Однако попадаются в калифорнийской газете и жемчужные зерна; назовем исторический очерк Н. Буровой "О двуглавом орле" и остроумный фельетон Кая "Даецъ свободу печати!".

В очерке Л. Курловой-Мурей о проказе удивляет неупоминание о ее широком распространении в Сибири, в частности между якутами.

Грустно видеть в лирическом отрывке из воспоминаний В. Завалишина "Кошка с топазовыми глазами" повторение вздорной, давно опровергнутой легенды о самоубийстве О. Калашниковой, крепостной девушки, с которой Пушкин имел мимолетную связь! Она "топиться и не думала", как выразился один исследователь, а, получив вольную, вышла замуж за чиновника и, видимо, пережила поэта. Кроме того, вопреки Завалишину, зулусы не черны как уголь (это суданские негры таковы), а имеют довольно светлую окраску кожи.

В тенденциозном, бездарном и растянутом сочинении "А что будет в России после большевизма" В. Криворотов перечисляет ныне здравствующих Романовых... и не называет Великого Князя Владимира Кирилловича! Можно поразному относиться к монархии; но нехорошо врать и обманывать публику! Стыдно не только автору, а и газете в целом!

"Русская Мысль". С. Довлатов, в семейных мемуарах "Тетка Мара" (тетя у него была боевая: с партийным стажем) слаб в арифметике; а пытается поправлять А. Дюма! У того в романе действительно 3 (а не 4) мушкетера – Атос, Портос, Арамис – и их друг, д'Артаньян, лишь в конце повествования добивающийся зачисления в привилегированную воинскую часть, откуда его приятели как раз тогда уходят.

Недавний еще эмигрант В. Буковский громко жалуется на тяготы беженской жизни: при издании отдельной книгой по-английски его автобиографии возникают недочеты, а ему приходится утомляться, читая лекции в университете. Поплакали бы мы с ним:

Та й сльози не ллються.*

Нам бы его заботы!

Что до моральных концепций Буковского, на них бросает свет письмо в редакцию Б. Падмасанова, справедливо порицающего поучения, читаемые Буковским швейцарцам, 80% коих проголосовало за запрет абортов, в следующей форме: "Ну так их ведь никто не заставляет делать аборт! Но какое право они имеют решать за остальные 20%?".

Падмасанов правильно указывает, что этак-то и убийство можно оправдывать (да тут ведь речь и идет об *убийстве)*.

Корреспонденции из Афганистана М. Хальтера, не знаем, с какого языка переведены, но плохо. *Джихад* есть "священная война", а не "святая", и зачем писать *трайбализм* вместо *трибализм* (для шику?)? Вовсе косноязычно перекладывает Н. Горбаневская с польского на русский небезынтересный очерк Я. Новака о покушении на папу римского; нельзя писать *автор покушения* вместо *совершитель* или *устроитель*.

"Вестник Р.Х.Д." № 134. Украшением очень слабого номера служат 10 стихотворений подсоветской поэтессы, молодой ленинградки Е. Пудовкиной; особенно "Переложение псалмов 10 и 11". Проницательны мысли другого подсоветского поэта, О. Охапкина, о Блоке: "От поэзии и театра Блока веет чем-то болезнетворным и заразительным". Не лишена хлесткости критика Б. Михайлова на "Синтаксис". Очередной отрывок из романа А. Солженицына сводится к анализу личности П. Столыпина.

"Грани" № 121. Радуют недурные стихи А. Очеретянского и вовсе хорошие И. Басовой. Из последних приведем строфу, не лучшую у нее, но уж очень верно передающую дух нашего века:

Страшно думать о том, что было.
Страшно думать о том, что есть,
Страшно думать о том, что будет,
Хоть одну бы добрую весть...

В комедии Г. Владимова "Шестой солдат" забавно и метко переданы подсоветские быт и язык; но шутки над греческими мифами неостроумны, а рассуждения о мировой политике неглубоки. Пьеса выиграет, если их убрать.

Из двух статей о Достоевском наукообразный очерк В. Дмитриева "Идеология и формализм" смерть как скучен; обстоятельное исследование Е. Дрыжаковой посвящено темному периоду социалистических увлечений великого писателя.

Курьезно письмо в редакцию Н. Шатуновской, протестующей против опубликования в журнале дивных двух рассказов В. Солоухина... на основании того, что его книги издаются в СССР и он там не подвергается прямым преследованиям! Присоединимся к резонным ей возражениям тут же Н. Коржавина "Эмиграция – не партия", отмечающего, между прочим, что о Солоухине нельзя сказать ничего плохого. Но поход на него в эмиграции начат, мы можем убедиться, всерьез и надолго; так же, как и на Солженицына; да и по тем же, примерно, причинам.

"Часовой" № 644. Уже и сам редактор, Орехов, пишет *Либия* вместо *Ливия!* Чего же требовать от сотрудников?! Как говорится:

И скучно, и грустно.

А. Федосеев (ответственность оставляем ему) перечисляет 10 идеологических направлений, доминирующих в народе в СССР. Первые 5 из них следующие: сторонники абсолютной монархии; конституционной; западной демократии; авторитарности; корпоративного строя. Напрашивается мысль, что все эти формы между собой легко примиримы в рамках монархии более или менее либерального типа. Возможно, примиримо с нею и 6-е направление, желающее "общества независимых" (нам его суть не совсем понятна). Остальные 4 нап-

---

* Сохраняем украинское правописание. (Ред.)

равления склонны к тоталитаризму; хотим надеяться, что будущее – не за ними.

Автор "Письма в редакцию", укрывшийся за инициалами Д.А., сурово порицает В. Пирожкову, не делающую, по его мнению, достодолжного различения между большевизмом и коммунизмом (первый критиковать разрешается; второй же – ни-ни!). Нам сдается, среди читателей "Часового" марксистов не густо; не зря ли г-н Д.А. перед ними ораторствует?

"Новый Журнал" № 143. Насчет окончания ужасного "Пушкина" Г. Сомова, воскликнем: "Уф!" Зачем было его вообще печатать? Что до Ю. Короткова, рассказики которого теперь неизменно помещаются каждый раз, то это – на любителя (мы не из их числа...) В "ностальгической поэме" (в прозе) С. Рафальского "Прощание с Россией" выделим пассаж о судьбе старой эмиграции: "Но Европа... Правда, нас сюда никто не приглашал, однако мы, все-таки, "бывшие союзники", положившие, спасая Париж, два корпуса в Мазурских озерах... И, наконец, мы все же люди. А Лига защиты прав человека и гражданина существовала уже тогда, но – как и теперь – смотрела не в ту сторону. Не на нас."

Лучшее в номере, без спору, обстоятельная, полная ценных и малоизвестных сведений статья М. Бернштама "Уничтожение народов". Из нее мы узнаем, помимо прочего, что непопулярность Белого Движения у крестьян объяснялась не тем, что оно восстанавливало, согласно легендам о нем, помещичье землевладение, а тем, что оно проводило декрет Временного Правительства, отменявший столыпинскую реформу. Изложение же в подробностях (каковые больно сердцу узнавать) расправы большевиков, в ходе и после гражданской войны, над калмыками напоминает нам, что Российская Империя в долгу у этого маленького народа за его верность и доблесть. Несомненно, воскресшая национальная Россия и сделает все мыслимое, дабы его за перенесенные им испытания вознаградить.

Чудовищная история с Бахметьевским Архивом того сорта, что в нее верится с трудом, – хотя мы о ней сколько уже слыхали (и вот снова читаем про нее подробный отчет Л. Магеровского с примечанием Р. Гуля). Богатые американцы, официальное западное учреждение (Колумбийский Университет) украли у нищих русских эмигрантов созданное ими, их трудом и на их деньги, книгохранилище, да еще и распоряжаются им бесчестно: вскрывают секретные фонды, допуская к ним ненадежных людей и т.п.! Ведь это точь-в-точь притча, рассказанная во время оно царю Давиду, о злом богаче, отнявшем у бедняка его последнюю свечку, выслушав которую, царь в праведном гневе вскричал: "Смертью да умрет!" Р. Гуль предлагает довести дело до суда. И, конечно, нужно судиться! И вряд ли с того будет какой прок...

И № 144. В данном номере мы видим снова поворот, заметный уже в предшествующем, да случавшийся и прежде, от беллетристики к академического рода статьям, трудноватым для восприятия массового читателя. Художественная проза представлена (так неудачно, что лучше бы и не надо!) рассказом А. Величковского "Дар победы", из коего моральная личность автора рисуется в мало приятном свете. Стихи, все, – среднего качества. В. Чиннов характеризует свои как:

Игру трансцендентальных медитаций.
А нам они ничего не дают, ни уму, ни сердцу.

В плане литературной критики, М. Крепс производит пространный разбор творчества И. Анненского; а стоит ли, право, заниматься сей дутой величиной? Однако, Крепс чрезвычайно умно и точно определяет музу Анненского: "У нее порочный вкус..."

Не лишена интереса "Хроника Распада" Ю. Карцова; хотя его соображения о причинах первой мировой войны не всегда убедительны. В ничем не примечательном этюде из быта сталинского окружения Ю. Кроткова – "Игра в бильярд" – нестерпимо режет глаз новейшая советская манера употреблять грузинские имена типа *Берия, Бедия, Шария* как несклоняемые, абсолютно противная духу русского языка и нашей вековой литературной традиции.

Б. Сегал суммирует различия взглядов между американскими либералами и советскими диссидентами и принужден признать, что первые *крайне наивны* (чтобы не сказать больше!). По поводу же вторых он роняет следующие многозначительные слова: "Многие советские диссиденты стремятся найти смысл жизни в религии, патриотизме, консерватизме..." Таким-то диссидентам – Бог в помочь!

В очередном отрывке Р. Гуля, "Россия во Франции", интересны описания его встреч с Гучковым и Керенским. Гучков (при всех своих ошибках, человек смелый и деятельный) удивлял Гуля своей верой в монархию, казавшейся тому нереальной. Однако большевики, очевидно, смотрели иначе и подобного направления опасались: они окружили Гучкова густой сетью провокации, шедшей через его родную дочь и приставленных к нему агентов, Скоблина и Третьякова. О Керенском Гуль говорит благожелательно; но результат, все равно, – убийственный. Что до "Лиги Борьбы за Свободу России", которой на время увлекся некогда и сам Гуль и которая пыталась свести власовцев с социалистами, она, как и следовало ожидать, оказалась мертворожденной акцией пузырей потонувшего мира: ни цели, ни чувства у двух сторон не совпадали.

"Вече" № 3. Об этом выходящем в Германии печатном органе (самоназвание – альманах; но публикуется-то периодически...) "Единение" трезво отметило, что он дублирует "Русское Возрождение". В чем, казалось бы, у эмиграции потребности не ощущается. Идеология та же, многие сотрудники те же, – только редакторы разные. Да и, в целом, подражание несколько ниже по качеству, чем оригинал.

Никакой живой или оригинальной мысли не уловишь. Конечно, тут налицо "правое непредрешенчество". Но, долгие годы тому назад, известная левая публицистка Е. Кускова прекрасно резюмировала, что непредрешенчество-то не есть отсутствие своих взглядов, а готовность их подчинить воле большинства. Тут же авторы больше всего боятся свои убеждения выражать (если их и имеют); потому не станем оные и разбирать.

РЕЦЕНЗИЯ

П. Пагануцци. "Правда об убийстве Царской Семьи". Историко-критический очерк. Св. Троицкий монастырь, Джорданвиль, Н.-Й., 1981 г. 235 стр.

Из Св. Троицкого монастыря нам прислали для рецензии вышеозначенную книгу, и мы охотно отзываемся об этой значительной книге. Проф. П.Н. Пагануцци, несмотря на итальянскую фамилию, русский по воспитанию и настроению. Он родился в имении Брасово Орловской губернии, принадлежавшем вел. князю Михаилу Александровичу, а детство провел в Москве и на Кавказе. П.Н. Пагануцци является автором и других книг на русские темы, в том числе книги о Лермонтове и о генерале П.Н. Врангеле.

В книге П. Пагануцци рассматриваются подробно все аспекты страшного екатеринбургского злодеяния. Автор посвящает немало страниц доказательствам, что никто из царской семьи не мог спастись, и потому те, кто выступали под именем одного из членов царской семьи, были самозванцами. Он высоко ценит изыскания Н.А. Соколова, произведенные последним при очень трудных обстоятельствах, нередко даже при несправедливо враждебном отношении к его стараниям раскрыть истину относительно случившегося.

Автор спрашивает также, отчего не удалось спасти царственных узников. "Нас интересует вопрос: были ли предприняты какие-либо попытки со стороны русских людей спасти Царскую Семью? Русское общество приняло с большим равнодушием арест Государя и ссылку Царской Семьи в далекую Сибирь. Война выбила из строя лучших людей, революция сбила с толку здравомыслящих патриотов, а нахлынувшая волна большевизма разметала то, что уцелело от революции." (стр. 56).

Монархические круги все же делали слабые попытки освободить царскую семью, причем этим попыткам сильно повредил обманщик Б. Соловьев (женатый на дочери Распутина), который собирал деньги для освобождения царской семьи, а потом обманул тех, кто ему доверял и давал деньги.

Тем не менее исторической виной русского общества останется то равнодушие, которое отмечает П. Пагануцци. Как кажется, только теперь, через столько десятилетий, весь ужас свершившегося начинает доходить хотя бы до некоторых. Ипатьевский дом, где совершилось убийство, мог стать местом паломничества, а потому сов. правительство нашло нужным разрушить его.

Целую главу автор посвящает стараниям доказать, что ни Государь, ни Государыня не думали о заключении сепаратного мира с Германией, в чем их некоторые обвиняли. Мы не сомневаемся, что автор прав и что тогда не делалось попыток заключить сепаратный мир. Но мы иначе, чем автор, относимся к идее сепаратного мира. Теперь все прошлое, и трудно сказать, "что было бы, если бы." Но тем не менее, мы думаем, что если б удалось заключить сепаратный мир с Германией на приемлемых условиях, то не было бы обеих революций, Россия не утонула бы в крови и в страшном духовном терроре безбожной власти; более того, обе монархии, российская и германская, были бы сохранены. Стоило ли губить свою страну ради верности тем самым французам и англичанам, которые презирали русского солдата (надо только прочесть воспоминания тогдашнего французского посла при русском дворе Мориса Палеолога), правительства которых поддерживали революционные силы в России и которые не помогли России в час ее беды, даже не спасли царской семьи? Английский король, двоюродный брат Государя, отказался принять на территории своей страны его и его семью. Конечно, в то время не было видно, к каким последствиям приведет продолжение войны; тем не менее, мы считаем, что нужно было стремиться к сепаратному миру с Германией.

Автор книги разбирает вопрос о вине за

свершившееся злодеяние. Он ясно указывает, что решение было принято в Москве Лениным и Свердловым, а не местными советскими властями якобы вопреки желанию Москвы. Полемизируя с лживой советской книгой М.К. Касвинова "Двадцать три ступени вниз", П. Пагануцци справедливо указывает на то, что русский трудовой народ никак не участвовал в этом ужасном убийстве. Ленин, Свердлов, Крестинский, Голощекин, Белобородов, Юровский, Войков, Сафаров, Сыромолотов, Дидковский, Чуцкаев и другие были, как правильно пишет автор, просто преступниками. "Не принадлежали к "трудовому народу Российской империи" и десять человек чекистов-палачей, подобранных Голощекиным, Белобородовым и Юровским для самой грязной работы. Они являлись военнопленными, австро-венграми по национальности и гражданами Австро-Венгерской империи". (стр. 101) К рабочим, которые прежде были в охране, большевики относились с недоверием. За несколько дней до убийства их заменили чекистами, а в ночь убийства у них были даже отняты наганы.

В книге П. Пагануцци очень много подробностей о страшном деле, много имен и данных также и об убийцах. Он повествует не только о злодеянии в Екатеринбурге, но и об убийстве великих князей и великих княгинь в других местах. Повсюду это было сделано крайне зверски. Рецензируемую книгу стоит прочесть.

Если мы будем откровенны, то нам не хватает в книге того, что можно найти в других книгах: описания необыкновенно христианского поведения самих царственных узников, которые на оскорбления отвечали кротостью и на ругань пением псалмов, так что привлекли на свою сторону не одного стражника, прежде настроенного против них. Только в заключении приведены слова о. Георгия Шавельского: "Чрезвычайные для монарха унижения, каким он подвергался после своего отречения в Царском Селе, Тобольске и Екатеринбурге, не вынудили его поступиться ни одним из принципов его благородной души и не ослабили его любви к своему народу. Простой, деликатный, добрый, отзывчивый, благородный как человек, он не мог не возбуждать самых горячих симпатий". И: "Образ страдалицы Императрицы воскрешает в памяти образы величайших христианских праведников, которые могли говорить вместе с апостолом Павлом: "Злословят нас, мы благославляем, хулят нас, мы молимся" (I Кор. 4, 12–13) "Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе" (Фил. 4, 13). Образ ее в заточении, в унижении и страданиях будет удивлять своим величием и красотою не только друзей ее, но и врагов" (стр. 144–145).

В книге есть много прекрасных фотографий царственных жертв, есть и фотографии убийц. И они не будут забыты.

В. Пирожкова

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА
"ГОЛОС ЗАРУБЕЖЬЯ"
госпоже В. ПИРОЖКОВОЙ

В журнале "Голос Зарубежья", который я выписываю несколько лет, в последнем полученном мною 23 номере, я прочел статью Н.А. Нефедова "Четыре белых армии и испанская фаланга". В данной статье говорится о гражданской войне 1918–19 годов в России и приводится много упоминаний о 4–х белых армиях и о нескольких отдельных местных военных соединениях, производивших борьбу с красными войсками. Не вдаваясь в обсуждение данной статьи и ее утверждений, я хочу обратить Ваше внимание на тот факт, что автор, говоря о Белом движении вообще, а в частности, описывая гражданскую войну на Поволжье и Урале, неправильно отобразил борьбу белых с красными на юго-востоке Европейской России.

В частности, он упоминает, что летом 1918г. на Среднем Поволжье и на Урале (неясно, что автор имеет в виду – Уфимскую и Пермскую губернии и население по реке Уралу, в том числе территории Оренбургских и Уральских казаков?), образовалась не какая-то сословная (?), а "народная" армия, во главе которой стали "сельские учителя": народники, трудовики и социал-революционеры, создавшие в Самаре КОМУЧ – Комитет членов Учредительного собрания. Сформированию Народной армии помогло вооруженное выступление Чехословацкого корпуса, который был сформирован русским командованием в ходе мировой войны. Дальше идет описание того, как по требованию Германии Ленин отдал приказ о разоружении чешского корпуса, как корпус не подчинился и захватил несколько городов, в том числе и Пензу. Одновременно с выступлением чехов образовались антикоммунистические русские отряды по всем городам и селам Среднего Поволжья и Урала. Офицерство и гражданская интеллигенция, воодушевленная успехами чехов, "сплотились" и восстали без всякой предварительной подготовки. Скоро весь этот громадный район охватил пожар гражданской войны. 8 июня чешские и русские части ворвались в Самару и овладели с боем городом. Тогда и был создан учредиловцами

КОМУЧ, а из разрозненных русских отрядов, до того не имевших ни общего командования, ни главного штаба, – народная армия.

Далее описывается, как Латышские полки в октябре 1918 г. ликвидировали армию Учредительного собрания. Причем кратко добавлено, со слов командующего красной армии Вацетиса: казаки и остатки других частей перешли на службу к Колчаку. Далее Нефедов пишет, что борьбу Народной армии против красных латышей мужик не поддержал. Белые армии все же продержались 3 года, а народная армия – 3 месяца!

На этом гражданская война на Поволжье и Урале, по Нефедову, закончилась!

К сожалению, Нефедов неправ! Гражданская война на Урале продолжалась. Продолжали ее казаки, уральские и оренбургские. О борьбе оренбургских казаков я писать не буду – точно не знаю, как они воевали и когда кончили, – а вот про Уральское казачье войско – скажу как уральский казак и участник этой борьбы. Началась она на Урале в марте 1918 года, когда красногвардейский отряд из Оренбурга вторгся в пределы Уральского войска и захватил северный казачий город Илек. Тогда илецкие казаки мобилизовались и уничтожили этот отряд. Вот тогда началась война уральских казаков с красными. Продолжалась она до декабря 1919 года, т. е. почти два года. Сломили уральских казаков подавляющие красные силы и эпидемия тифа зимой 1919 года. Остатки Уральской армии, оставив более половины своего состава (больных тифом) в нижних селениях Урала и городе Гурьеве, в разгар зимы вышли в поход по безлюдному и безводному пустынному северному побережью Каспийского моря, огибая залив Мертвый Култук, на полуостров Мангышлак в не занятый красными порт Форт Александровский. Пустыней пройти надо было свыше тысячи километров. Вслед за армией двинулись тысячи беженцев-казаков и военнослужащих с семьями. Более трети погибло в пути от голода и морозов.

Населения в Уральской казачьей области в то время было около 200 тысяч, из них казачьего населения 145 тысяч.

Таким образом, Уральское казачье войско, окруженное красными с запада по Волге, с севера по границе с Самарской губ. и с северо-востока – Оренбургской областью отбивалось от красной армии в течение 2-х лет, и об этой борьбе Нефедов ни слова не сказал. Материалы по этой эпопее должны быть. Во всяком случае, я их имею как свидетель и участник этой борьбы, а также имею показания других участников. Уральская армия имела связи с Доном и Кубанью и армией Деникина, откуда она получала снабжение, боеприпасы и пр.

С уважением Н.Дорошин

Уважаемый господин Рудинский!

Прежде всего, название моей статьи в № 628 "Часового" не "Наши расхождения", как напечатано в "Голосе Зарубежья" № 23, а "Истоки расхождений".

Насчет уточнений, о какой волне думал В. Ингул, склоняясь над своей статьей, – должен сказать, что не думал я специально ни о какой волне, а думал, главным образом, о диссидентах, употребляя не раз этот термин в своей статье, и то – не обо всех. (см. "многие из совётских диссидентов" и т.д.). Уточнить, что я думал только о третьей волне, я не мог, т.к. думал скорее, не о "волнах", а о времени (послеоктябрьском) появления на свет носителей их, будь то 2-я или 3-я волны.

Не секрет, что если 3-я волна почти поголовно не была иммунизирована от отравления ее ядом "научного марксизма", то были под его воздействием также и во второй волне, даже "часто у тех, кто зарекомендовал себя антикоммунистом" в эмигрантских кругах. У этих последних о марксистско-большевистском "перегаре" давали знать о себе... "свирепая непогрешимость в их суждениях, нетерпимость и подозрительность к мнениям других" и т.п. Коротко – sapienti sat.

С уважением В. Ингул

Прим. ред.: Увы, и в среде первой эмиграции, воздействию яда марксизма не подвергавшейся, немало "свирепой непогрешимости в их суждениях, нетерпимости и подозрительности к мнениям других". Видимо, сии недостатки присущи вообще человеку.

Опечатки, замеченные в № 23 "Г.З."	Напечатано	Следует читать
стр. 18, 1-я колонка, строка 15 сверху	центральную	нейтральную
стр. 18, 1-я колонка, строка 24 сверху	не хватало	хватало
стр. 19, 2-я колонка, строка 7 снизу	в конце 1918 г.	в конце мая 1918 г.
стр. 20, 1-я колонка, строка 6 снизу	без помощи чехов	не без помощи чехов

ПАМЯТИ С.М. РАФАЛЬСКОГО

13 ноября в Париже скончался Сергей Милич Рафальский, известный в русской эмиграции публицист.

С.М. родился в 1896 г. в селе Холоневе Витебской губернии. Еще совсем недавно он опубликовал в "Новом журнале" поэтические воспоминания о своем родном селе, о праздновании великого праздника Рождества Христова в занесенном белой снеговой пеленой селении. Много глубокой тоски по тем местам, где прошло безмятежное детство, было в этих воспоминаниях. Всей этой поэзии нет и никогда больше не будет.

Но несмотря на тоску по родному селу, С.М. был скорее воспитанником Петербурга, хотя он и не успел из-за революции окончить там университет и кончал свое образование в Праге. В одной из своих интересных статей, которые он регулярно помещал в "Новом Русском Слове", С.М. иронически высчитывает, сколько какой крови текло в его жилах, – великороссской не оказалось ни капли, – но он тут же признает своей единственной родиной Россию, ту Россию, в которой есть полноправное место для всех национальностей, ее населявших.

Будучи демократом, С.М. приветствовал февральскую революцию и отверг октябрьскую. Сражался в Белой армии. Мы не можем полностью согласиться с его оценкой февральской революции и, особенно, с его приверженностью к социализму, причем нам кажется, что он не различал между социализмом и социальностью, – ошибка многих.

Но знаменательно то, что когда из среды третьей волны выделились хулители дореволюционной России, когда нашлись авторы и довольно известные имена, которые ставили знак равенства между царской Россией и Сов. Союзом, С.М. встал сейчас же на защиту правды и справедливости. Его умные статьи, его воспоминания дали очень много ценного материала для опровержения ложной, искаженной картины российского прошлого, которую давали некоторые из авторов третьей волны.

В течении своей долгой плодотворной жизни С.М. печатал стихи, повести и статьи во многих русских эмигрантских изданиях. Было бы хорошо, если б можно было издать хотя бы лучшее посмертно книгой.

"Голос Зарубежья" потерял в лице С.М. постоянного рецензента журнала на страницах "Русской Мысли".

Мы скорбим о кончине талантливого, образованного, культурного русского публициста, писателя, поэта. Да будет ему вечная память.

В. Пирожкова

Главный редактор: В. Пирожкова * Verantwortlich für den Inhalt: V. Piroschkow
Адрес редакции: V. Piroschkow, Einsteinstr. 104/III, D – 8000 München 80, Deutschland
Банковский счет: Hypotheken - und Wechselbank, 8 München, Konto Nr. 2760094318

За статьи и письма, подписанные фамилией
или псевдонимом автора, редакция не отвечает.

Перепечатка разрешается, но с указанием источника.

Druck: " Achwa", Jerusalem.

"Почему такая великолепная теория уже столько лет приводит к совершенно противоположным результатам?"

ЯН ПРОХАЗКА.

Плохая история?
Плохие народы??
Плохие вожди???

НА ЭТИ ВОПРОСЫ ОТВЕЧАЕТ
ДОРА ШТУРМАН В КНИГЕ
"НАШ НОВЫЙ МИР"

Рукопись книги "Наш новый мир" (Теория. Эксперимент. Результат.) циркулирует в Самиздате с начала 70-х годов под псевдонимом В.Е.Богдан и была нелегально вывезена из СССР. Автор, эмигрировавший в Израиль, дополнил рукопись (спустя десять лет) новыми фактами и статистическими данными, которые убедительно подтвердили достоверность "подпольного" анализа. А значит, труд Д. Штурман может быть своего рода ориентиром для прогнозов развития советской системы.

Объем книги – 360 страниц; цена, включая пересылку, – 10 долларов (стоимость в Израиле – 75 шекелей). Книгу можно получить, отправив чек по адресу:
Sergei Tiktin, 422/6 Talpiot Mizrakh, Jerusalem 93802.

Протоиерей Д. Константинов

ЗАПИСКИ ВОЕННОГО СВЯЩЕННИКА РОА

1980.
Стр. 78 с илл. Цена $ 3.50 с пересылкой.

V. Rev. Dimitry Konstantinow

THE CROWN OF THORNS
Russian Orthodox Church in the USSR 1917–1967.

ZARIA 1979.
344 pp. Price: $10 incl. postage

Заказы направлять:
ZARIA Publishing Co. 73 Biscay Rd., London, Ontario, Canada N6H 3K8.
или
V. Rev. Dimitry Konstantinow,
P. O. Box. 272, West Hyannisport, Mass. 02672.

* * * * *

Д.А.Антонов

ЧЕХОВСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ
с приложением – Э.Бройде
К ПРОБЛЕМАТИКЕ ЧЕХОВСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ
Изд-во "Чеховград", 1982 г.

Объем (с приложением) – 296 стр., цена 10 $, включая пересылку.
Книги можно приобрести в магазине Нееманиса (Мюнхен)
и других магазинах русской книги Европы и США.